

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

СБИВАЕТ
ДИРИЖАБЫ
ВОРОВАННЫМИ
ЛОПАТАМИ

МАГИ & МОТОРЫ

ГОРЕЧЬ ШЕПЛА

Annotation

Гигран – мир, разделенный Срединным хребтом. На севере цивилизация дошла до эпохи технической революции, а на юге о сложной технике даже не помышляют. Зачем она южанам, если они не забыли магию? Рашмеры – изгои из бывших преступников, живущие на магических поводках и изуродованные смертоносным пеплом, исторгнутым из разлома под зловещим названием Пасть Мертвеца. Обладатель магического меча Трой – один из них. Он нечеловечески быстр и ловок, способен в одиночку противостоять полярным тварям и действовать там, где смертоносный пепел убивает человека в считанные минуты...

Артём Каменистый

Горечь пепла

Составитель серии *Алексей Бобл*

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

© Каменистый А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1. Хольдеманг

Нестерпимо яркий солнечный свет ударил по глазам, заставив Троя зажмуриться в тот миг, когда он оказался на одной из последних ступенек лестницы, что вела из трюма на верхнюю палубу. Солнце будто специально подкарауливало зазевавшуюся жертву, резко выглянув в прореху меж густых облаков точно в нужный момент.

– Шагать! Не останавливаться! – дурным голосом прикрикнули сзади.

Разжиревший громила из епископской стражи очень хотел подкрепить свой приказ тычком в спину, как поступил перед этим с передним узником, но сейчас ему приходилось сдерживать светлые душевные порывы. Этот берег видел немало малолетних преступников, и все они сходили на землю с пустыми руками и голодными глазами. А Трой не такой, у Троя имеется самый настоящий воинский пояс, и на нем закреплены черные ножны с явно непростым мечом.

И взгляд не рабский, не из тех, где нет ничего, кроме мечты о ломте черствого хлеба.

Стражник привык распускать руки, но при всем своем скудоумии прекрасно понимал, что в этом случае правильнее держаться как можно корректнее.

Впрочем, что касается всего остального, с Троем обращались, как со скотом, с самого начала, и, похоже, так будет продолжаться и дальше. На церковном корабле их приняли, как бесправных узников, судя по всему, такое отношение грозит им и на этом берегу.

Прищурившись, уже на ходу осмотрелся. Верзилы в кожаных доспехах сопровождают последних бесправных пассажиров к широкому трапу, который перекинули с верхней палубы на длинный причал из огромных потемневших бревен. Корабль не из маленьких: пузатый, при этом не сказать, чтобы короткий, три высокие мачты удерживаются огромным количеством натянутых в разные стороны канатов – отдельных и сплетенных в ванты. Но с барком, который бесславно погиб, доставив жалкую горстку заключенных на Крайний Юг, он и рядом не стоит. Тот был крупнее и перевозил сразу шесть сотен будущих рашмеров плюс немалое количество неодушевленного груза.

Почти все его пассажиры нашли могилу в трюме, так что этому «пузану» повезло куда больше.

Здесь их тоже размещали в трюме, но при этом не заточали в тесные ящики и не пичкали опасной алхимической гадостью. Если барк «Кархингтайл» совершал длительные плавания с далекого севера, то эта пузатая скорлупка никогда не забиралась дальше Харбора, берега которого протягивались сразу за Крайморскими морями. Дорога туда тоже не из самых простых, но занимает меньше времени, нет смысла замораживать живое мясо, рискуя его здоровьем и жизнями, не так много припасов оно успеет перевести за время плавания.

Почти две недели Трой и остальные прождали транспортную оказию в одной из деревень на западе. Сухопутные дороги Краймора не пользуются большой популярностью, львиная доля грузоперевозок и пассажирского сообщения приходится на водные пути, преимущественно по морю, гораздо реже реками и озерами. Первый же клирик, к которому преподобный Марфестен сопровождал намыкавшихся бедолаг, приказал им дожидаться появления одного из церковных кораблей. Тот якобы должен был вот-вот появиться, а пока сидите на месте, ничего не делайте, довольствуйтесь крестьянской кормежкой.

Ожидание затянулось, но это даже к лучшему. На открытом всем ветрам берегу царил дух беззаботной свободы: простая и сытная еда, никто не лезет с приказами, можно даже

гулять по ближайшим окрестностям – там безопасно настолько, насколько может быть безопасно на непростых землях Краймора. В крохотной деревушке, где не имелось ничего заслуживающего внимания, за исключением причала, на котором проходившие суда пополняли запасы пресной воды, на Троя и остальных всем было наплевать. Даже ворчливый клирик не посягал на их независимость. Мелкий, вечно сонный человечиска, у которого в подчинении лишь влюбленный в алкоголь ночной сторож да кладовщик с вороватыми глазами. Даже не понять, для чего именно здесь приходится держать полупустой склад.

Но святой церкви, разумеется, виднее.

На корабле свобода резко закончилась. Полутемный трюм, кишасший крысами, ругань вечно злых стражников, опасливые взгляды харборцев, которые приходили в ужас от одной мысли, что их привезли на земли страшного Краймора. А Трой и прочие, скуки ради, прибавляли паники, рассказывая бедолагам разные истории о Крайнем Юге. Причем врать почти не приходилось, ведь здесь хватит чистейшей правды, чтобы любого довести до седых волос и позорного заикания.

Ну разве что местами капельку преувеличить.

И вот короткое, но утомительное плавание подошло к концу. В здешнем причале, в отличие от предыдущего, нет ни одной каменной детали, сделан целиком из подогнанных друг к другу небрежно отесанных стволов каких-то исполинских деревьев. У Троя длины рук не хватит обхватить самое скромное, тут потребуется два таких человека, как он. Страшно подумать, сколько труда ушло, чтобы доставить сюда и обработать такую прорву неподъемных бревен. Ведь на берегу, который тянется левее, не растет ничего, кроме жидких серовато-зеленых кустарников. Ни единого, пусть даже самого корявого деревца не видать. Будто хорошо знакомая смертоносная пепельная пустошь, только без ядовитых пятен цветного лишайника и хищной тессеркулы.

Берег выглядел уныло, и дело вовсе не в почти полном отсутствии растительности – тут хватало других неприглядных вещей. Плоский, как лепешка, заиленный пляж захламлен мелким древесным мусором и разбросанными повсюду китовыми костями. Судя по ширине безжизненной полосы, приливы здесь очень приличные, и там, докуда вода уже не доставала, поднимались невзрачные лачуги с замшелыми стенами из нетесаного камня и односкатными крышами, прикрытыми зеленеющим дерном. Постройки располагались столь тесно, что местами между двумя соседними можно было притиснуться лишь боком.

Только две вещи в окружающем пейзаже если не радовали глаз, то хотя бы не навевали мрачные мысли: это бесконечная водная гладь справа – за выходом из бухты на горизонте она гармонично сливалась с густой облачной пеленой – и горные вершины слева. Холмы начинались уже неподалеку от поселения, дальше они быстро увеличивались, чтобы в итоге взмыть в небеса заснеженными пиками.

Глядя на далекие горы, Трой вдруг вспомнил, что как минимум однажды уже видел что-то подобное. Такие же высокие пики. Нет, даже не такие. Больше, много больше – они до небес доставали. Невероятно огромные исполины, затянутые в ледяную броню, припорошенную снегом. Но ничего, кроме этого, вытянуть из себя не смог, только бессмысленную, хоть и величественную, картинку.

И ведь не первый раз она ему вспоминается, просто теперь с другого ракурса увидел то, что уже всплывало в памяти. Что там за горы – не понять. Так же, как все прочее. Слишком фрагментарные обрывки, в единое целое их не свяжешь.

Остается надеяться, что это до поры до времени. Память по чуть-чуть возвращается,

надо верить, что она восстановится.

Ветерок, задувший слева, принес запахи гниющих водорослей и тухлой рыбы. Желудок, отреагировав на вонь, сжался комом, но потом, должно быть, подумал, что последние два дня его кормили далеко не на убой, извергать из себя ему, в общем-то, нечего, и моментально успокоился.

Три десятка пассажиров выстроились в шеренгу вдоль причала. Одеты почти все одинаково невзрачно. Точнее, у большинства имелся один из двух видов одеяний – мужской и женский варианты. Штаны из грубой серой ткани, куртка с капюшоном из того же материала, тонкая серовато-белая рубаша на завязках, грубые башмаки с деревянными подошвами. Барышни выделялись лишь тем, что вместо штанов носили длинные юбки из той же непрезентабельной ткани, а из-под них видны были чулки, выглядевшие так же нищенски, как все остальное.

Семь узников тесного трюма резко отличались от остальных. Одежда на них хоть и не блистала показной роскошью, но добротная, удобная, вид ее не откровенно казенный, не сравнить с убогими хламидами товарищей по несчастью. И еще у каждого имеется оружие. Пусть капитан приказал отдать копья и алебарды, но кинжалы, тесаки и сабли оставить позволил. Хоть и придиричивый человек, но законы Краймора уважает.

А закон Крайнего Юга в этом случае гласит одно – рашмер, прошедший посвящение, имеет право носить личное оружие везде, где это не запрещено законом или землевладельцем.

Перед узниками на причале стояли двое: сутулящийся клирик в черной рясе, скрывающий лицо в глубинах безразмерного капюшона; и мужчина крепкого сложения и средних лет в облегченных доспехах, из кожи, кольчужных лоскутов и тщательно отполированных стальных пластинок. На его поясе с огромной бронзовой пряжкой болтались ножны с мечом и длинным кинжалом. Голова не покрыта, что позволяло разглядеть обильную седину, бородка крохотная, аккуратная, выше подбородка все дочиста выбрито. С одного взгляда понятно, что этот здоровяк бой видел не только на картинке, умеет убивать и сам готов к смерти, а также у него есть власть, она не кружит ему голову до потери разума, но он не стесняется ее использовать по любому поводу. Взгляд умный, цепкий, с нехорошими злобными проблесками.

Здоровяк вдруг направился к шеренге, неспешно прошелся вдоль нее, бросая взгляды на одного за другим. Троя тоже не упустил, но и чрезмерным вниманием не удостоил. То есть не стал останавливаться. Просто вернулся назад и громко, ни к кому не обращаясь, неприязненно-резким голосом произнес:

– Почему среди преступников находятся люди с оружием?

Отвечать некому, стражники с борта корабля лишь удивленно переглядываются, взгляды их туповатые, раскрывать рты не торопятся. Капитан не удосужился выйти из каюты, и без него они выглядят потерянными. Как Трой заподозрил по отдельным обмолвкам, у команды какой-то непонятный конфликт с людьми, которые заправляют на этом берегу, и потому никто даже не подумал сойти на сушу, хотя размять ноги на твердой земле – святое.

Молчание нездорово затягивалось, а Трою не хочется пусть и косвенно, но стать виновником конфликта. Потому сделал шаг из строя и отрапортовал:

– Я и шесть моих товарищей уцелели при гибели барка «Кархингтайл». При этом спасенный рыцарь церкви был вынужден провести посвящение в рашмеры, с пустыми руками мы бы там не выжили. С тех пор мы все имеем право носить оружие.

Здоровяк, не оборачиваясь, бросил:

– Я не разрешал преступникам открывать рты.

Трой упрямо поджал губы:

– Вынужден повторить, так как не все меня поняли. Я и шесть моих товарищей – посвященные рашмеры. Надеюсь, больше повторять не придется.

С этими словами он сделал шаг назад, вернувшись в строй.

Здоровяк повернулся к клирику:

– Преподобный Примус, вы у нас главный законник, подскажите, можно ли заявление этого преступника считать бунтом?

Церковник покачал головой:

– Формально этот мальчик прав. Если, конечно, не лукавит. Но это легко проверить.

Черная фигура приблизилась, мягкий голос спросил:

– Как звали того рыцаря церкви, который провел посвящение?

– Сэр Транниллерс, – моментально ответил Трой.

– Я знаю, о ком идет речь, – отозвался воин. – Это мой земляк, личность скандально известная. Сэр Транниллерс и правда мог учудить подобное – тот еще оригинал, не уважающий ни формальности, ни традиции. Мальчишка, где он сейчас?

– Его повезли в город на самой быстрой лодке. Он изранен, лишился ноги, нуждается в долгом лечении.

– Жаль, что он не лишился головы перед тем, как додумался посвятить в рашмеры вашу разбойную шайку. Примус, и что теперь с ними делать? Разоружить посвященных и опозориться на весь свет?

Клирик покачал головой:

– Да уж – не самая здравая идея. К тому же настоятельно не рекомендую вам разоружать этого мальчика.

– Это еще почему?

– В его мече столько магии, что я диву даюсь, почему она не льется из ножен бурным потоком. Сэр Файеррис, это древняя магия, и я даже примерно не могу сказать, чем грозит прикосновение к такой непростой вещи.

– Но этот звереныш до сих пор жив.

– Это так, однако всем прочим я это не гарантирую. Скажи, мальчик, могут ли посторонние прикасаться к твоему оружию?

– Не уверен. До сих пор это для всех плохо заканчивалось.

– Вот и я о том же.

Воин вновь стронулся с места, дойдя до края шеренги, развернулся, положил ладони на рукояти меча и кинжала, громким голосом с четкой дикцией произнес:

– Мена зовут Файеррис Дорен, вы все будете называть меня сэром Файеррисом. Не советую ошибаться в произношении, так что запомните сразу и крепко. Я тот, кто будет распоряжаться вашими жизнями ближайшие пару дюжин дней или даже больше. За это время я должен сделать из вас если не рашмеров, то хотя бы что-то не совсем уж позорное. То есть добиться того, чтобы вы, забравшись на юг, не упали замертво, едва увидев снег со льдом. Скажу сразу – мое обучение вам вряд ли понравится. Но я и мои люди торчим здесь не для того, чтобы нравиться соплякам, которые настолько тупы, что поставили себя выше закона. Вам придется забыть о многом и многое узнать, хотите вы этого или нет. Некоторые из вас будут мысленно проклинать меня и желать мне зла, однако, оказавшись там, на самом

Крайнем Юге, будут делать то же самое, но по другой причине. Им будет казаться, что здесь к ним слишком мягко относились. Но запомните: слабость, проявленная во время учебы, – это почти верная смерть на Крайнем Юге. Постарайтесь не просто уяснить эту мысль, а поставить ее впереди всех остальных, и вам здесь будет проще. Еще хочу сказать следующее: все вы – асоциальные отбросы, никчемные до такой степени, что даже готовые многое простить клирики отказались наставлять вас на путь истинный. Я уж не говорю про исправительные учреждения под патронажем светских властей и некоторых Великих Домов. От вас отказались все, кроме меня – сэра Файерриса. С этого момента я ваш отец, брат, учитель, бог, судья и палач. Любое неповиновение, которое вы проявите, – вызов для меня. За свою жизнь я получал семь вызовов на дуэли и не заработал при этом ни единого шрама. Не могу сказать то же самое о моих противниках. Так что очень хорошо подумайте, действительно ли вы хотите стать восьмыми. Некоторым, возможно даже многим, в голову придет якобы разумная мысль, что вокруг открытый простор и глупо этим не воспользоваться. То есть они захотят совершить побег. Я им даже в этом помогу. Помогу информацией. Ведь очень трудно бежать куда-либо, не представляя, где именно ты находишься. Обратите внимание на берег. Первое, что вы увидите, – тесное скопище невзрачного вида домишек. Этот клоповник называется Хольдеманг, и смешно сказать, но он имеет статус города. Ты! – Файеррис неожиданно указал на шеренгу. – Толстый, с соломенными волосами и коровьим лицом. Шаг вперед. Да, именно ты. Давай же, не надо никого стесняться, здесь все свои.

Из строя вышел парень с описанными приметами: высокий, плечистый, с непокорными вихрами светлых волос и простецким лицом, главным украшением которого являлся непомерно мясистый и почти бесформенный нос. Один из тех немногих узников, которым можно смело дать двадцать лет, а то и больше. Внешне очень похож на Айлефа, то есть – классический крестьянин.

– Имя! – требовательно произнес Файеррис.

– Мардукс.

– Почему ты здесь, Мардукс?

– Я это... – Парень потупился, неловко шмыгнув носом, севшим голосом продолжил: – Я как бы испортил девицу.

– Ты не очень-то похож на героя-любownika, которому все деревенские девицы готовы отдать самое дорогое, что у них есть. Так что говори прямо – ты насильник.

– Что вы, как можно, конечно, нет.

– За испорченную девицу не отправляют на земли Краймора, если она, конечно, не королева. Но я не представляю, каким образом такой баран, как ты, может оказаться поблизости от особы королевской крови. К тому же у тебя такой вид, будто ты твердо вознамерился умереть девственником, поклявшись в этом перед алтарем, и пока что клятву не нарушил. Так что там на самом деле произошло?

– Та девица была не из простых.

– Да тебе портовая шляха за семь горстей золотых не даст, достаточно сказок про благородных девиц, я уже наслушался этого добра.

– Но я говорю правду. Она понесла от сына управляющего, про это все знали. Только отцу сказали, будто виноват я. Бросилась ему в ноги со слезами. Так, мол, и так, конюх ее изнасиловал, а она стыдилась признаться. А отец ее из тех людей, которые стражу звать не станут, сами разбираются. Боязно мне стало, на коня – и ходу отсюда. Так что я теперь и

конокрад, и насильник. А еще стражнику челюсть свернул, когда меня на дороге вязали.

– Свернул челюсть стражнику?

– Ну да. Стукнул его. Не удержался. Он оскорбил моих родителей, в наших краях такое терпеть не принято.

– Единственный светлый момент в твоём насквозь дурацком и местами даже забавном рассказе. То есть ты не такой уж молочный телец, из тебя может выйти толк. Надо лишь поработать над тобой как следует. Ты ведь не хочешь подохнуть, не прожив и пары месяцев?

– Да кто же такое захочет.

– В таком случае тебе надо стать настоящим рашмером, другого выхода нет.

– Я буду стараться.

– Ты глупый крестьянин, но хочу сказать, что у тебя есть шанс. Старайся. Знаешь, почему я попросил тебя выйти из строя?

– Не знаю, сэр Файеррис.

– Весь этот человеческий мусор, который привезли ко мне на перевоспитание, слушал меня по-разному. Кто-то тупо таращился в одну точку, мои слова пролетали через их пустые черепные коробки, не задерживаясь ни на миг. Другие корчили ухмылки, наивно пытались демонстрировать, что им все нипочем. Третьи слушали очень внимательно и даже делали попытки что-то усвоить. Но когда прозвучало слово «Хольдеманг», лишь один из всего этого печального сброда подпрыгнул на месте. И лицо у него при этом стало очень невеселым, хотя не скажу, чтобы и до этого сверкало от изобилия бурной радости. И этим человеком был ты. Поэтому я предположил, что ты знаешь о Хольдеманге побольше, чем все остальные. Умеешь отжиматься от земли?

– Умею, сэр Файеррис.

– Сейчас ты должен сказать всем этим бесполезным баранам, куда именно их занесло. Если уложишься в три слова, сможешь вернуться в строй. Если скажешь четыре, придется отжиматься десять раз. Если пять – двадцать. Не имею понятия, умеешь ли ты считать, просто довожу до твоего сведения, что за каждое лишнее слово сверх трех тебе придется отжиматься по десять раз. Итак, объясни этим беспечным девочкам, что именно с ними произошло. Не заставляй меня долго ждать.

Светловолосый верзила ответил без малейшей заминки:

– Мы в заднице.

– Грубо, Мардукс, очень грубо. Но ты попал в точку и к тому же сделал это с неожиданной для такого увальня быстротой. Знаешь, я нечасто ошибаюсь с первого взгляда, но с тобой, возможно, именно этот случай. Есть потенциал, точно есть, так что будем его развивать. Вернись в строй. Итак, я продолжу для всех, кроме Мардукса, этот крестьянин, похожий на тупого теленка, уже знает то, о чем вы, жалкое городское отребье, еще не догадываетесь. Я остановился на том, что это сборище загаженных лачуг называется вольным городом Хольдемангом, и вольный он только потому, что абсолютно никому не нужен. Население представлено исключительно гнойными жертвами многовековой практики инцеста. У жителей есть два вида сладких снов: в первом им наконец удастся догнать сестренку или хотя бы племянницу; второй тоже связан с погоней, но уже не за родственницами. В нем они хватают одного из беглецов, которому у меня не понравилось, после чего поступают с ним так, что вы позавидуете их сестрам и прочим. То есть, если вам придет в голову идея уйти морем, для начала придется иметь дело с этим гнилым сбродом. Маловероятно, что вы сумеете преодолеть это препятствие, но если случится такое чудо, вам

придется пройти на дырявой скорлупке через мели, рифы и опаснейших существ, обитающих в водах Крайнего Юга. Там, – Файеррис указал на море, – тянется лабиринт морей Краймора, через который не всякий корабль с опытной командой сумеет пройти. За ним, на северо-западе, начинаются воды Западной подковы, куда вы, тупицы, не пройдете, потому что не знаете способа двигаться навстречу главному течению. Вам остается одна дорога – на северо-восток. Мы находимся на острове Скелета – одном из самых больших островов архипелага Безумцев. Наш самый южный в нем, он сильно вытянут и в плане похож на грудину с ребрами, возможно, поэтому называется именно так. Хольдеманг располагается на северной оконечности острова. То есть, двигаясь на север, вам придется направиться напрямиком в море, а оно тут не из ласковых, а далее пойдут скалы, даже лодке через них трудно проскочить, если не знаешь безопасные места. Идти через них придется не один день, это очень долго для сухопутных крыс, да и без приключений вряд ли обойдется. Я не поставлю до дыр истертой медной монетки даже на опытного моряка, который решится на такое безумие, а на вас, беспутных сморчков, тем более. Там нечего делать тем, кто не ищет смерти. Некоторые из вас сейчас думают, почему я ничего не говорю про возможность сбежать по суше. Возможно, полагают, что я пытаюсь что-то скрыть. Так вот – отнюдь. Просто поберег самое вкусное на десерт. Если вы посмотрите на восток, увидите горы. В этой части острова они высокие, на вершинах никогда не тает снег. Перейти через них будет непросто, далее, на другой стороне, вы уткнетесь в пролив. Он широкий, даже в ясный день трудно разглядеть другой берег. И вода в нем не очень теплая. То есть вам потребуется лодка. Там нет деревьев для ее изготовления и нет селений, где можно было бы ее украсть. Зато есть полный набор опасностей этого острова, о некоторых из них я вам сейчас поведаю. Итак, первое, с чем вам придется столкнуться, – заросли тессеркуллы на пепельных пустошах. Это растение переваривает все, до чего дотянется. Если вас пронзит его стебель, вы и помолиться Святому Кругу не успеете. Весь юг острова и частично центральная часть поражены этой гадостью. Во многих местах она образует сплошные заросли, проходы через них редки, к тому же даже там можно стать жертвой замаскировавшихся стеблей тессеркуллы. Но если вам и удастся избежать знакомства с хищным кустом, вас, скорее всего, выследят трессинги. Эй! Ты! С магическим мечом! Почему тебя так передернуло при моих словах?

Трой постарался ответить как можно четче:

– Сэр, я уже сталкивался и с тессеркуллой, и с трессингами. Неоднократно. И мне неприятны эти воспоминания.

– Вот как? Так, может быть, ты расскажешь остальным о своем опыте?

– Тоже тремя словами?

– Боюсь, тремя здесь можно обойтись, лишь часто используя самые грязные ругательства, а я не позволяю всякому сброду сквернословить в моем присутствии. Давай, но сильно не затягивай, постарайся покороче.

– При первой стычке нас было девять человек с оружием, включая опытного рыцаря церкви. Уцелело лишь трое, один погиб, а остальные получили ранения. Сэр Транниллерс в той схватке потерял ногу. Мы были вынуждены ее отрубить, голень пронзило стеблем, освободиться от захвата не получилось, наше оружие не могло справиться с жилистой древесиной тессеркуллы.

– То есть вам пришлось отхватить ногу своему командиру?

– Да.

– Ну надо же, вы осуществили мою юношескую мечту. Ты можешь еще раз пройти через

такую пустошь?

– Я уже делал это.

– Было страшно?

– Да.

– Тогда почему пошел туда опять?

– Так было надо, от этого зависели жизни моих товарищей.

– То есть ты, выслушав все мои слова, все же можешь пойти на юг, к проливу?

– Могу. Но зачем?

– Да потому что каждый из вас только и мечтает о том, чтобы сбежать. Или вот-вот начнет об этом мечтать.

– Но не я.

– Чем ты особенный?

– В ожидании корабля я и мои товарищи провели несколько дней без охраны или серьезного присмотра. Да и до этого у нас было немало возможностей попробовать затеряться. Вот только как это сделать на земле, где людей не так много и все чужаки на виду? К тому же на каждом из нас магическая печать, ее может определить любой церковник, для этого потребуется лишь амулет или магический дар. Скрываться в лесах среди чудовищ? И какой смысл в такой жизни? Также нет смысла идти к проливу, потому что за ним главная земля Краймора – материк. Я знаю, что не все считают ее материком, но она и правда огромная. Только вот нам нет на ней места. Как беглецам – нет. Куда проще отработать положенное, церковь не выдаивает из рашмеров все соки. Если повезет, уже через считанные годы мы получим свободу. А нет, так все равно освободимся еще до тридцатилетия. Сэр Файеррис, я считаю, что бежать в такой ситуации – глупо. Но и это еще не все, я ведь не упомянул самое главное. Каждому кандидату в рашмеры в кровь запускают не только пепельный яд, а и специальное вещество для контроля. Оно ничем не вредит и никак себя не проявляет несколько месяцев, после чего убивает тебя в считанные дни. Считается, что спасение от этого лишь одно – получить у церковников инъекцию противоядия. Но я сомневаюсь, что они станут спасать от такой смерти беглеца.

– Все правильно говоришь, может, ты и не так уж глуп. Но это не значит, что и все остальные тебе под стать, ведь человеческая глупость беспредельна.

– В своих товарищах я полностью уверен.

– Вот как? Ну что ж, говоришь ты складно, и взгляд у тебя честный, если забыть о твоей воровской сущности. Как тебя зовут?

– Тройлинг Трой.

При этих словах Примус дернулся, склонился к уху воина и, похоже, что-то прошептал – тяжело утверждать это точно, глубокий капюшон скрывал лицо преподобного.

Сэр Файеррис удивленно вскинул брови:

– У нас записано, что ты стертый.

– Так и есть, сэр.

– Последний стертый, попав к нам, прославился хроническим недержанием мочи.

– По поводу сухости моей постели можете не беспокоиться.

– А кто сказал, что я беспокоюсь? Пообщавшись с тобой, я уже почти решил поставить тебя новичком-десятником, а теперь даже не знаю...

Драмирресс молча сделал шаг вперед, следом шагнула Миллиндра, затем все остальные.

Сэр Файеррис, проведя по вышедшим мрачным взглядом, спросил:

– Это следует понимать как знак поддержки моего первоначального решения?

– Лучше Троя для нас никого нет и не будет, – буркнул Бвонг.

– Не в моем обыкновении доверять выбор командиров разной швали, но в вашем случае

мы имеем дело с уже готовым отрядом, а я не настолько недальновиден, чтобы расформировывать уже слаженное подразделение. Так что да, Трой теперь у вас за старшего. Но смотрите, как бы не пришлось пожалеть о таком выборе. Быстро взлетишь – большее упадешь.

Глава 2. Магический меч

Два мордоворота в кожаных доспехах, поджидавшие у начала причала, шагали позади, сэр Файеррис и Примус впереди. А между ними растянулась двойная неровная шеренга серых фигурок. К радости всех, идти через грязное скопище лачуг не пришлось. Никого не прельщала перспектива близкого знакомства с источниками тех миазмов, которые оттуда приносил ветерок.

Миллиндра, шагавшая бок о бок с Троем, зажимала нос и так и эдак, в конце концов не выдержала, с отвращением произнесла:

– Что это за мерзость?

– Здесь часто разделявают китов, поэтому все ими провоняло, – пояснил Трой. – И жир топят тоже здесь.

– Откуда знаешь?

– Сама прекрасно видела, что по всему берегу валяются их кости. Слишком уж их много, море в таком количестве не принесет. К тому же они почти все целые на вид, прибор над ними не поработал как следует, то есть, скорее всего, их туда принесли люди, а не волны вынесли.

– Я слышала, что на юге добывают много китов, но не представляла, что это так ужасно пахнет.

– Значит, ты не во всем такая уж умная.

– Ум и багаж знаний – не одно и то же.

– Ладно, всегда обращайся, если захочется узнать, чем именно воняет.

– Учту. Трой? А откуда ты знаешь о китах? Ты ведь... Ну...

Тот пожал плечами:

– Я знаю обо всем на свете, но только не о себе.

– Прости, что напомнила, я ведь понимаю, тебе это неприятно.

– Ну да, приятного мало. Но иногда я что-то вспоминаю. Мелочи, ерунду, но это радует. Кто знает, может, дальше станет лучше.

– Прости еще раз, но стирание необратимо.

– Да, я слышал. Но я странный стертый, так многие говорили.

– Ага, и я в том числе.

– Вот-вот.

Поселение обошли по узкой полосе между линией максимального прилива и скопищем лачуг. Дальше продвигались по добротной утоптанной тропинке, обе стороны которой усеивали белевшие обломки китовых черепов. Постепенно местность повышалась; в какой-то момент, обернувшись, Трой увидел, что они поднялись гораздо выше Хольдеманга и теперь можно легко рассмотреть каждую дерновую крышу. Странно, но с причала этот пригорок не показался столь серьезным. Скорее всего, роль сыграло то, что на фоне начинающихся далее холмов он выглядел бледновато.

Ни единого деревца не видать, лишь все те же невзрачные кусты с тонкими ветками. Неужели это самая главная здешняя растительность? Тогда жителям городка непросто приходится в холодные ночи, ведь хороших дров нет. Ну разве что им привозят их морем. Даже сейчас, в разгар дня, на ветру все вынуждены ежиться, легко представить, что здесь начинается в темноте. А зимой как живут? И ведь, по идее, остров куда ближе к теплему

течению, чем материк, но разница разительная, причем климат большой земли пока что выигрывает.

Или богатое скалами море стоит преградой на пути теплых северных вод?

У Троя в голове роилось множество вопросов. На некоторые он находил ответы, на некоторые нет. И тогда начинал их сортировать: те, которые казались полезными, запоминал на будущее; остальные безжалостно отбраковывал. Он понятия не имел, зачем ему вся эта информация. Возможно, сознание реагировало на пустоту, которая образовалась после того, как его память о себе грубо уничтожили. Или сказывались уроки сэра Транниллерса, многократно заявлявшего о важности знаний всего, что касается Крайнего Юга.

А может, он и до стирания был таким любознательным? Откуда ему знать.

Подъем закончился, они достигли гребня вала, что протягивался вдоль берега. Впереди открылась ровная долина, которая расстилалась до самых холмов, растительность на ней ядовито-зеленая, откровенно болотного вида, там и сям можно рассмотреть зеркальца многочисленных луж.

Вдали, на противоположной стороне долины, меж оснований двух холмов пристроилась крепость из серого камня – квадрат невысоких стен и одна приземистая угловая башня круглого сечения.

Сэр Файеррис остановился, привычно положил ладони на рукояти меча и кинжала и, глядя в сторону крепости, произнес:

– Школа рашмеров основана сто девяносто семь лет назад на месте монастыря Братства Святого Дардефа. Их орден был перед этим упразднен постановлением собора из-за раздиравших Церковь Святого Круга конфликтов, связанных с расплодившимися в тот период еретическими учениями. Отдаленному месту не сразу смогли найти применение, очень уж оно специфическое. Некоторое время здесь стоял гарнизон церковного войска, охраняя Хольдеманг от набегов трессингов и прочих порождений южной скверны. При нем же примерно десять лет действовал отряд сборщиков реликвий – предков нынешних рашмеров. В те времена некоторые недалекие сотрудники церковной канцелярии полагали, что эта помойка, для которой они выбили статус города, имеет некие перспективы. То есть будет выгодно вкладывать средства ради ее процветания. Как вы могли заметить, процветание до Хольдеманга так и не добралось, зато те из воинов, кого не слишком часто били по голове, догадались, что здешние условия можно с выгодой использовать на благо Святой Церкви. Они куда лучше, чем на континентальных землях, и сюда легче добираться морским путем. Как ни странно, их идею одобрили, и теперь мы здесь не только охраняем самый южный город архипелага Безумцев, а и ставим на путь исправления закоренелых преступников. Знаю, что многие из вас, если не все, вовсе не считают себя закоренелыми и даже уверены в своей святости. Но Святая Церковь сочла иначе, именно поэтому вам приходится вслушиваться в то, что я говорю. Место, как видите, удачное: от ветров с севера школу защищает приморский вал; со всех других сторон ее прикрывают холмы. Есть лишь одно неудобство – болото. Обходить его слишком далеко, приходится двигаться напрямую. Есть несколько безопасных троп, все они отмечены шестами с закрепленными поверху лентами яркой ткани. Их трудно не заметить, так что найти дорогу не составляет труда. Однако хочу сказать, что не стоит всецело доверять этим знакам. Трессинги хитры, они, пробираясь в нашу долину темными ночами, иногда коварно меняют положение шестов. Случается, даже устраивают ложные дороги к местам, где устраивают засады. Многих зеленокожих при этом забирает трясина, но этим тварям плевать на себя и своих сородичей, в брачный период

у них напрочь пропадает инстинкт самосохранения, они начинают думать не головой, а...
гм... другими частями организма. Так что при переходе даже по хорошо знакомым местам
все без исключения должны использовать шесты, оставляя их в конце пути. Такой шест
называется слега, им надо тщательно прощупывать дорогу перед собой. Если вы чувствуете
слабину, которая вряд ли выдержит вес тела, сразу же останавливайтесь и внимательно
изучите все вокруг, очень возможно, что это в очередной раз постарались хитрые трессинги.
На этот раз шесты возьмем лишь я и преподобный Примус. Хорошего дерева в здешних краях
мало, поэтому нет смысла набирать его на такую ораву. Да и нет на главной тропе опасных
трясин. Просто идите за нами и ни шагу в сторону, местами мы проходим по краю бездонных
ям, в таких местах одно неловкое движение может привести к беде.

Начали спускаться, и Драмиррес негромко, так, что услышать его смогли лишь
ближайшие ребята, произнес:

– Одному мне кажется, что сэр Файеррис чересчур много болтает?

В тот же момент от головы колоны донеслось:

– Ты! Остряк! Имя!

Тот даже не дернулся, сделав вид, что ничего не произносил.

– Драмиррес! Ко мне! – прозвучало через несколько мгновений.

– Да как же он узнал?.. – пробурчал черноволосый и, расталкивая остановившихся
товарищей по несчастью, направился вперед.

Сэр Файеррис дожидался его, приняв любимую позу – ладони на рукоятях, слегу ради
этого вертикально воткнул в податливый торф. Чтобы добраться до воина церкви,
Драмирресу пришлось пройти по широкой мелкой луже, на середине этого участка пути его
остановил окрик:

– Стоять! Как ты сказал?! Я слишком много болтаю?! В таком случае буду
немногословным! Двадцать отжиманий от земли! Стоять, тебе сказано, ни шага в сторону!

– Но тут вода! – опешил Драмиррес.

– Сорок отжиманий от земли!

Неслышно подошедший сзади воин, который до этого шагал за колонной, резко
выдохнув, ударил Драмирреса кулаком чуть ниже лопаток и почти сразу ловко пнул под
колени. Тот с плеском растянулся в луже во весь рост, а сэр Файеррис брезгливо повторил:

– Сорок отжиманий от земли! Бегом!

Драмиррес, осознав, что отжиматься придется именно столько и именно в этом
неудобном месте, уперся ладонями, но тут же плюхнулся лицом в воду от сильной оплеухи по
затылку, и голос подал ударивший воин:

– В школе рашмеров на ладошках отжимаются лишь бабы! Причем не все, а только
целки. Если тебя это устраивает, можешь прямо сейчас стянуть штаны, и по приходе в
цитадель тебе выдадут юбку и чулки! Впрочем, при таком покладистом характере целкой
тебе долго ходить не придется, так что прямо сейчас начинай отжиматься на кулаках или
выпрямленных пальцах! Вперед, сосунок!

То зарываясь в воду, то выбираясь из нее на выпрямляющихся руках, Драмиррес начал
отжиматься. Не сказать, что делал это технично. Видно, что непривычно, тем более на
кулаках, рыцарь церкви в свое время не делал акцент на этом простом упражнении, старался
дать больше техники. Но товарищ старался, ни единого намека на сопротивление такому
обращению не допускал. Сложно спорить в такой ситуации, сэр Файеррис явно не настроен
смягчать наказание, а его цепной пес, который стоит над спиной, может пнуть по поводу и

без, ничего ему за это не будет. Даже один на один Драмиррес против такого матерого верзилы ничего не сделает, а их тут двое, плюс сэр Файеррис и преподобный Примус, плюс ты и слова против сказать не можешь, это могут счесть попыткой бунта.

А уж если возразишь не словом, а делом, этот остров станет твоей могилой. У церковников с дисциплиной строго.

Да уж, здесь не то место, чтобы вслух высказывать свое мнение о личных качествах руководства.

Сорок отжиманий Драмиррес не потянул. Остановился на вытянутых руках, взяв передышку. И тут же свалился от очередного пинка, на затылок легла грубая рука, надавила, удерживая лицо под водой. Но уши находились чуть выше ее уровня и все прекрасно слышали.

– Отжиматься до конца! До отказа мышц! До треска костей! Упасть и ждать, когда вернутся силы! Отжиматься снова и снова!

Бедолага, пуская пузыри, развернул голову, как только давящая рука поднялась. Жадно с всхлипами задышал, а сэр Файеррис равнодушно добавил к кричащему монологу своего подчиненного:

– Не задерживай нас, Драмиррес. За все в этой жизни надо платить, в том числе и за глупые слова. Ты покрасовался перед девчонками, теперь развязывай кошелек. Твоя плата – сорок отжиманий. Не жульничай, здесь такое не любят. Плати.

Драмирресу пришлось отдыхать, лежа в холодной воде, полдюжины раз. Когда он встал, его пошатнуло. Вроде парень не выглядит хлипким, да и не из самых мелких, на вид лет девятнадцать, и в документах написано столько же, но это не такое уж серьезное испытание его заметно подкосило. В строй вернулся молча, опустив голову.

Сэр Файеррис, неспешно выдержнув слегу, громко уточнил:

– Если еще кто-то хочет что-нибудь сказать по поводу моего обыкновения подробно разжевывать то, что очевидно для умных и великая тайна для прочих, то давайте, высказывайтесь. Ну же, смелее. Нет желающих? В таком случае продолжим путь.

* * *

– Трой! – выкрикнули в темный коридор.

Поднявшись со скамьи, на которой сидел вместе с остальными собратями по несчастью, прошел к приоткрывшейся двери, потянул створку.

– Не забудь захлопнуть за собой, – попросили с порога.

Выполнил приказ, обернулся. В отличие от коридора, эта комната была хорошо освещена: один магический светляк порхал под сводчатым потолком, еще четыре пристроились в гнездах по углам. По мнению Троя – расточительная иллюминация. Она позволительна для людей высокого ранга, а здесь таких вроде бы нет. Два воина, какой-то прыщавый парень лет двадцати пяти с козлиной бородкой и многими другими деталями внешности, взятыми от этого не самого прекрасного животного. Ну и преподобный Примус – всего лишь монашествующий клирик не самого высокого ранга.

Хотя об этом можно судить лишь по скромной рясе, а одежда может обманывать.

Примус, кстати, впервые скинул капюшон, и, вопреки смутным подозрениям Троя, ничего страшного в его внешности не обнаружилось. Нормальная голова благообразного

мужчины лет шестидесяти с благородной сединой, строгой прической, меланхоличным взглядом глаз, окруженных сеточкой тонких морщин.

Тепло улыбнувшись, преподобный спросил:

– Трой, как ты относишься к учению Церкви Святого Круга?

Тому ничего не осталось, как пожать плечами:

– Понятия не имею. Я ведь стертый.

– Но в сердце твоём не поднялась волна отвращения при моих словах?

– Да нет, вроде ничего не поднималось. Я спокойно отношусь к тому, что некоторые мои товарищи молятся. Но сам их в этом не поддерживаю.

– Ты полагаешь, что твоя вера стерта вместе с памятью?

– Нет.

– Поясни.

– С того самого дня, когда я очнулся в трюме, набитом трупами и пепельниками, у меня не возникало сложностей со многими вещами. Я лучше всех прочих разбирался во всем, что касалось корабельных дел. Прекрасно фехтовал легким оружием, хотя с тяжелым случались проблемы. То есть память у меня, может, и стерлась, но навыки не пропали. Думаю, что я не мог забыть молитвы, ведь это все равно что забыть, как ставить парус.

– Хочешь сказать, что до этого вообще не учил молитвы?

– Скорее всего – так. Никакого отклика в душе.

– Вообще ничего?

– Только смешное в голову лезет. Как-то странно видеть, что не самые глупые люди тратят время на всякие суеверия. Это точно не мое.

– Ты считаешь веру суеверием?

– Уж простите, но да.

– Тебе не за что просить прощения. Мы привечаем здесь и верующих, и безбожников, и даже тех, кому противно все, что касается наших святынь. Хотя, признаюсь откровенно, все же с последними неприятно иметь дело. У тебя нет отвращения, и ты явно не еретик, ведь вера в еретиках есть. Думаю, с тобой у нас проблем не будет. Но это лишь в том, что касается религиозных моментов. Я поставлен Святой Церковью приглядывать не только за душами молодых рашмеров, но и за их умами. Мы на земле Краймора, тьма здесь сильнее, чем где бы то ни было. Нельзя ни в единой малости давать слабину, ведь это может стать лазейкой для сил, которые мечтают завладеть вами всецело. Приняв частицу пепельного яда, рашмеры способны противостоять многим угрозам юга, но в то же время становятся слабее, ведь пропустили в душу кроху самого темного мрака. Понимаешь, к чему я клоню?

– Мне кажется, что вы настроены на долгий разговор, а единственное, что вас может во мне заинтересовать, – мой меч, а не мои взгляды на религию.

– Да, Трой, ты угадал. Не хочешь ничего рассказать о своем оружии? Для вчерашнего преступника, чьи злодеяния столь велики, что ему пришлось стереть память, предмет, мягко говоря, необычный. Древнее оружие – мечта самых сильных людей нашего мира, а ты к таким точно не относишься. Откуда у тебя эта вещь?

– Я нашел этот меч в древней гробнице.

– Твой ответ породил множество других вопросов.

– Понимаю. Недавно мне пришлось в одиночку пройти от побережья Чечевицы на восток, до обитаемых земель. По пути со мной много чего случилось. Однажды пришлось поплавать по фиорду в отлив, течение при этом превратило его в горную реку. Думал уже, что

не спасусь, промерз до костей, но подвернулся вход в пещеру. Долго бродил там во мраке, затем нашел зал с гробом из материала, похожего на черное стекло. Там были разные вещи на столиках из такого же материала, в том числе и этот меч.

– Ты просто взял его и ушел? И больше ничего не забрал?

– Не совсем. Мой рассказ короткий, произошло много чего другого.

– Например?

– В ту гробницу я не по своей воле попал, меня туда загнала светящаяся тварь. Я не первый, кто ей попался, там весь пол был усыпан костями. Один из столиков когда-то опрокинулся, и меч оказался под завалом костей. Тварь по нему двинула, меч прилетел ко мне, я его схватил.

– И?

– Что и?

– Ничего странного при этом не произошло?

– Там произошло много чего странного. Начать с того, что тварь первым делом потеряла ко мне всякий интерес. Начала размахивать всем подряд, задела гроб, и, я так понимаю, на это сработала все еще действующая защита гробницы. Сам я на миг почувствовал себя дурно, но потом все прошло.

– А тварь?

– Защита ее убила. С потолка слетели красные светляки и прикончили ее. А меня не тронули, они определили, что я не касался гроба.

– Определили? Как ты это понял?

– Они показали мне картинки, там все было понятно.

– И больше ничего плохого тебе этот меч не сделал?

– Мне нет. Но знающие люди говорят, что к нему опасно прикасаться.

– Верно. Даже я вижу, что у него черная аура. Очень опасный предмет, древнее, давно забытое великое искусство, несмотря на все успехи последних времен, мы даже близко не подобрались к таким технологиям. В этом оружии есть мастерство, сила магии и сила крови, ни в одной из этих дисциплин мы не продвинулись до такого уровня, а что до последней, так она уже век под запретом.

– Вы разбираетесь в древних вещах?

– Я нет. А вот Груйдинг, возможно, что-нибудь и скажет.

Парень, походивший на козла, до этого молча ловил каждое слово, а сейчас встрепенулся и попросил:

– Не мог бы ты вытащить меч из ножен и положить его на стол.

Трой не видел причин не подчиниться, он и сам провел немало бессонных часов, размышляя над загадками бесценной находки. Вытащил клинок с едва слышным шелестом, осторожно опустил на столешницу.

Груйдинг тут же над ним склонился, едва не касаясь носом. Даже кончик языка высунул, столь усердно рассматривал древнее оружие. Потом поднес к глазу зеленоватую линзу в бронзовой оправе, окаменел на несколько мгновений и, чуть отодвинувшись, восхищенно произнес:

– Контур Дамгучи.

– Что это значит? – спросил Примус.

– Дамгучи первый, кто его описал. Великий материалист, основоположник нелинейного метода познания свойств в высшей алхимии.

– Груйдинг, я прекрасно знаю, кто такой Дамгучи, но впервые слышу о каком-то контуре, названном в его честь.

– О нем мало кто слышал – особого рода охранная магическая структура, встречается крайне редко. Мы знаем, как эта структура выглядит, как работает, но не представляем, каким образом ее можно повторить или хотя бы отключить. Слышали о великом скипетре Балдреона?

– О той штуке, при помощи которой он издали превратил кости Зальцвага Лживого в кровавый кисель?

– Ага. Потекли и его кости, и кости всей его гвардии. Один магический удар по центру войска решил исход всей битвы.

– Я слышал, что к скипетру никто не может прикоснуться.

– Вообще-то прикоснуться можно, если ненароком, нечаянно и без намерения им завладеть. Если намерение есть, все меняется, человек после такого прикосновения превращается в пускающее слюни растение, потому что срабатывание защиты вызывает полное или частичное уничтожение разума. После смерти Балдреона скипетр так и остался лежать в его комнате, никто не может вынести его оттуда, и ныне им владеет Дом Ментала. Ну как владеет... Получается, лишь номинально, им пришлось раскошелиться, чтобы выкупить артефакт вместе с замком. И они же предоставили Дамгучи допуск в надежде, что он сумеет разгадать секреты скипетра. Великий материалист и правда сумел описать защитный контур, но не больше, реликвия так и осталась недоступной. Позже он описал еще одну находку с такими же свойствами, но, к сожалению, не припомню подробности. После смерти Дамгучи известность получили и другие. И все они были недоступны абсолютно для всех, лишь великий скипетр Балдреона – исключение. Только этот предмет с такой защитой сумели применить в наше время, он слушался Балдреона и даже возвращался в его руку по приказу, что удобно в бою, когда можно потерять оружие. Но это исключение работало лишь при его жизни, после смерти владельца никто не может им пользоваться. То, что я сейчас вижу, – второе исключение. Только здесь у нас в роли владельца не Балдреон, а Трой. Преподобный Примус, прошу вас позволить мне описать этот случай, ведь нашей школе не помешает толика известности.

– Ты полагаешь, что эта реликвия нас прославит?

– В определенных и весьма узких кругах – да. Нам пойдет на пользу, если заинтересованные лица узнают, что наш воспитанник в чем-то равен Балдреону.

– Поступай так, как считаешь нужным, а мне объясни главное.

– Что именно?

– Если я или кто-то другой ненароком прикоснется к этому мечу, что будет?

– Я же говорил, что если ненароком, почти ничего.

– Почти?

– Ну... легкое недомогание или руку сведет судорогой. Это как бы предупреждение. Хватать за рукоять и тянуть не советую, контур может обойтись без предупреждения. Защита пропускает лишь Троя, если он умрет, меч останется лежать там, где его оставил владелец. – Груйдинг ухмыльнулся. – Дому Реликвий или другому Великому Дому придется выкупать это место и тратить время и силы, как тратили на тот скипетр. Хотя нет, такие силы тратить вряд ли станут – невыгодно.

– Это почему же?

– Да потому, что все знают, на что способен великий скипетр Балдреона – страшное

оружие, многим хочется научиться его использовать или воспроизводить. А здесь это просто нейтральный меч-амулет, вряд ли в нем скрывается что-то большее.

– Но ведь даже нейтральные вещи ценятся весьма высоко.

– Не совсем понимаю, какая функция у этого меча в качестве амулета, все завязано на контур защиты, а в нем целой жизни не хватит разобраться...

– Этот меч спас меня от магии кровососов, – произнес Трой. – Они одурманили всех, кто был рядом, но я сумел очнуться.

– Вот как? – Груйдинг задумчиво постучал пальцами по столешнице. – Получается, он может разум отнять, а может и очистить от постороннего. Очень удобное совмещение, не приходится разоряться на сложную комбинацию плохо совместимых структур. Но в остальном это просто клинок. Да, напряженный сплав плюс завязанный на кровь силовой набор превращают меч в мечту для воина, но все равно это просто меч, им не уничтожить целое войско одним ударом. Не удивлюсь, если в древности он был частью набора из аналогичных нейтральных артефактов.

Трой не стал расписывать, что в подземелье остались другие интересные предметы, хватит того, что упомянул некие вещи. Церковники могут слишком сильно заинтересоваться, а он имеет на это добро свои виды.

– Я так и не понял, каким образом Трой сохранил разум? – спросил Примус. – Он ведь сделал то, что нельзя делать, – взялся за рукоять и вообще таскается с этой штукой повсюду.

– Тут я бессилен. Есть только описание контура, я его легко узнал, слишком характерная картинка. Но что касается остального... Знаете, ведь не бывает абсолютной защиты. В каждой имеются уязвимости, на одну из них случайно наткнулся Балдреон, думаю, Трою тоже повезло наткнуться на такую лазейку. Мрак подземелья, тварь касается меча, вызывая срабатывание защиты. Далее за рукоять хватается Трой, но он в шоке, мало что соображает, почти не думает и к тому же накануне подвергался процедуре стирания – его разум уже пострадал. Контур Дамгучи не воспринимает это как сознательную угрозу, но предупреждает его. Затем чудовище задевает гроб, где, возможно, покоился владелец оружия. Дополнительная нагрузка на контур плюс защита гробницы убивают виновника, а к Трою относятся нейтрально. Вся эта комбинация могла сработать, ведь контур Дамгучи неразумен в широком смысле этого слова, он не может выполнить полный анализ произошедшего. То есть для него после всего случившегося нормально счесть Троя законным владельцем.

– Такую операцию можно повторить?

– Если найдется совершенно бесстрашный олух, который не побоится рискнуть разумом, можно попробовать.

– Вряд ли можно рассчитывать на множество добровольцев.

– Мне тоже так кажется.

– Трой, сэр Файеррис очень недоволен тем, что ты и твои товарищи носите оружие.

– Но все по закону, мы ведь прошли посвящение.

Примус не обратил внимания на слова Троя, продолжая в том же духе:

– То, что ты носишь волшебный меч, – тоже его раздражает. Такое оружие – мечта для миллионов достойных воинов. Идеальный меч-амулет, древний артефакт, подобные реликвии стоят безумно дорого, они по средствам лишь очень немногим.

– Но, как я понимаю, мой меч невозможно продать.

– Все равно не стоит демонстрировать его столь вызывающе. Если кто-то из воспитанников или наших людей пострадает от защитного контура, виноватым могут

признать тебя. Помни об этом.

– А я не могу отключить защиту? Я ведь владелец.

Примус молча обернулся на Груйдинга, тот покачал головой:

– Если и есть такой способ, о нем никто не знает. Секрет погиб вместе с древними.

– А что значит – нейтральный амулет?

– Амулет, созданный по древним, давно утерянным технологиям.

– Ну об этом я и сам догадался.

– Амулеты – опасная и капризная вещь, – заявил Примус. – Некоторым людям они вообще противопоказаны. Остальные могут пользоваться одним, реже двумя. Для простых смертных это потолок, три сразу могут сильно навредить или даже убить, и уж толку от них почти не будет. У большинства магов чуть иначе, развивая магические способности, количество можно увеличить, но ненамного. Среднестатистический маг одновременно, без негативных для него последствий, способен применить четыре амулета, при условии, что они не конфликтуют друг с дружкой и не дублируют одинаковые свойства, не дополняя их. Маг, который может носить на себе сразу шесть вещей, считается очень и очень серьезным. Тех же, кто способен потянуть еще больше, чуть ли не единицы, и мало кто из них имеет право называть себя нормальным человеком, ведь за такие возможности приходится чем-то расплачиваться. Известны случаи, когда некоторые маги превращали свое тело в сплошной амулет. Особенно этим баловались и балуются темные. При этом человек обычно теряет человеческую сущность, превращается в подобие магической машины. Не совсем бездушный голем, конечно, но личи недалеко от этого ушли, так же как прочие разновидности темной мерзости.

– А при чем здесь мой меч?

– При том, что правила амулетов на него не распространяются – очень редкое и полезное свойство. Одним словом – нейтральность. Судя по всему, ты можешь носить два действующих магических устройства, это твой предел. Но меч в их число не входит, он сам по себе, не надо его учитывать.

– То есть я могу носить, допустим, меч, амулет, делающий меня малозаметным, я слышал о таких, и камень для определения концентрации пепельного яда. Так получается?

– Не так. Камень тоже не амулет. Он не оказывает воздействие на твое тело, да и работает не постоянно, ты активируешь его время от времени. Просто внешнее магическое устройство, да и магии в нем жалкая капля. Но в целом ты прав.

– Можно еще вопрос?

– Смотря какой.

– Вы со многими так долго разговариваете?

– Нет, с остальными нам общаться почти не о чем. Не считая, конечно, твоих приятелей, к ним внимание повышенное. Проверяем, не подцепили ли они тьму по пути в школу, мрак не устает искать лазейки в наш замок. Также проверяем склонность к алхимической аллергии и то, сколько амулетов может выдержать будущий раппер. Сюда присылают лишь тех, кто тянет не меньше двух действенных амулетов, но мы не особо доверяем тем, кто обследовал вас на севере. Ты, Трой, слишком странный. Твой меч делает тебя странным. К такому случаю нам пришлось приглядеться повнимательнее. Мы предупредим всех, чтобы не трогали твое оружие, но и сам не забывай говорить об этом, это в твоих же интересах.

– А ничего, что меч вообще у меня? Вроде как все добытое мы должны отдавать церкви.

– Не представляю, как можно отдать такую вещь. Или ты знаешь неведомый нам способ

смены владельца?

– Нет.

– К тому же ты еще не подписал контракт.

– Контракт?

– Бумагу, которую подписывает каждый рашмер. Ты тоже это сделаешь в конце своего обучения. По контракту каждый из вас обязан все магические предметы приносить в церковь, получая за это заслуженное вознаграждение. Ты его еще не подписал, так что не обязан это делать. Хотя, конечно, если у тебя что-то где-то припасено, тебе лучше это предъявить. Для твоего же блага так будет лучше.

– У меня ничего нет, – самую малость соврал Трой, ведь он и правда ничего не прятал. – Так я могу идти?

– Да, конечно. И, Трой, если вдруг вспомнишь что-нибудь еще о той гробнице, мече и прочем, не забудь мне рассказать.

– Так и сделаю, – еще раз соврал Трой с самым честным видом.

Остается надеяться, что эти люди не обладают способностями различать вранье. Вроде бы среди магов подобное не редкость.

И надо срочно узнать все что можно о скипетре Балдреона и прочих похожих предметах. А там, глядишь, найдется способ завладеть оставшимися сокровищами древней гробницы. Вдруг не все они окажутся непередаваемыми, а даже одна подобная штуковина может сделать его богачом на всю оставшуюся жизнь.

О нейтральных амулетах он уже слышал от сэра Транниллерса. Рыцарь церкви говорил об этих редчайших штуковинах с придыханием. За всю жизнь он лишь однажды сумел к такому прикоснуться.

А жил сэр Транниллерс нескучно.

Глава 3. Школа рашмеров

Трою снился сон, в котором он мчался на невидимом и невероятно стремительном коне. Тот легко перескакивал через скалы и пропасти, через осыпи гигантских валунов и ленты ледников. Впереди, слева и справа, возвышались заснеженные горные пики, упиравшиеся в чистейший небосклон. А потом камни расступились, его понесло через непроглядную тьму, дальше, еще дальше, все быстрее и быстрее. Сердце сжалось в ожидании того мига, когда мрак сменится светом, и тогда можно будет, наконец, рассмотреть нечто, без сомнения, волшебное.

– Подъем! Поднялись, ленивые лежебоки! Бегом поднялись! – противным голосом прокричали из тьмы.

Вспыхнул приглушенный свет, но вместо фантастических картин Трой разглядел темный свод потолка из потемневших от времени дубовых балок.

– Встали, сказано! Кто выскочит на плац последним, тот очень сильно об этом пожалеет!

Трой узнал голос. Тиркрит – тот самый верзила, который вчера, по молчаливому приказу сэра Файерриса, измывался над отжимавшимся в холодной луже Драмирресом.

Приподнялся, откинул серое колючее одеяло. В большом длинном помещении стояло больше трех десятков коек, но не все из них были заняты. Как Трой помнил из вчерашнего, таких комнат в огромной казарме четыре, а заселены только две, причем частично: в одной располагались парни, в другой девушки. Столько лишних мест осталось по простой причине – из-за крушения барка «Кархингтайл». Часть тех, кто погиб из-за слишком затянувшейся заморозки или переродился в рабов пепла, должна была остаться в этой школе. У церкви все было рассчитано до человека, казарменные помещения не должны простаивать. Но сейчас заменить выбывших некем, на Крайнем Юге не из кого набирать новых рашмеров.

Хорошо, что хоть кто-то здесь есть. Это все благодаря церковной политике. Клирики старались не допускать того, чтобы в одной школе массово обучались люди из близко расположенных мест. Барки, подобные «Кархингтайлу», не собирали будущих рашмеров по всем тюрьмам побережья. Они заходили в место, где располагалась перевалочная база, и брали людей, собранных из разных областей, но все равно не слишком удаленных одна от другой.

Поэтому, добравшись до Крайнего Юга, корабли не выгружались в одном месте, а делали это понемногу, за несколько каботажных рейсов от школы к школе. Таким образом, под одной крышей перемешивались подневольные рекруты из самых разных регионов мира, это создавало особую усредненную культуру рашмеров, где почти нет места конфликтам на расовой почве и опасному недопониманию по той же причине.

По крайней мере, это подразумевалось. В идеале.

– Бегом! Бегом! Все на выход! – продолжал надрываться Тиркрит.

От прикосновения к одежде Троя передернуло. Вчера, шагая через болото, они не успели опередить дождь и до ворот добирались под проливным ливнем. А потом пришлось долго ждать, пока откроют, – из-за непрекращающегося грома стражники не сразу расслышали стук по доскам. Тряпье пришлось развесить в ногах узкой койки, и оно, конечно, не успело высохнуть. В казарме слишком прохладно, да и сыrovато, вон сколько плесени по углам, а мокрицы такие, что сюда крысы побаиваются забредать.

В ботинки теперь можно головастика запускать, там аж хлопает. И хуже всего, что в них ходить до самого вечера. Портянки такие же сырые, ногам придется несладко. Надо было до отправки в школу позаботиться о запасной одежде и обуви, но денег не хватало, почти все пришлось отдать в уплату за спасение товарищей.

На улицу выскочил не первым, но и не последним. Твердая серединка. Даже порадовался за себя, ведь не хуже других держится, и это при том, что почти не спал, разнообразные мысли не позволяли сомкнуть веки.

Молчаливый мордорот, который вчера дежурил у двери при разговоре Троя с Примусом и Груйдингом, указал на крупный камень в брусчатке плаца:

– Это твое место. Ты всегда должен стоять здесь, другие места занимать нельзя, если не хочешь отжиматься всем на потеху.

Трой послушался молча, встал, как все, уставившись на стену, окружавшую школу. Тоже каменная и с виду такая же старая, как все прочие здешние строения. Щели в кладке поросли мхом, почти все булыжники в пятнах скудного лишайника. Здесь слишком сыро, что неудивительно для замка на краю болота.

Тиркрит вывел одного из самых мелких мальчишек и белокурую девушку, чертами лица неуловимо похожую на Айрицию, но куда полнее в бедрах и талии. Оглядев выстроившихся на расстоянии трех шагов друг от друга узников, громила прорычал:

– Эти двое последними вышли из комнат! А я ведь по-хорошему предупреждал, что это делать не стоит! Оба уперлись в землю! Пацан тридцать отжиманий на кулаках, девка пятнадцать на ладонках! Завтра наказание будет куда серьезнее! Ну, чего стоишь, белобрысая?!

– Тиркрит, ты чего?! – уставившись на громилу с надменным недоумением, девушка покачала головой. – Не напрягай этой ерундой, хватит с меня и твоих криков.

Говорит, смешно растягивая слова, судя по всему – одна из харборок. Они все так говорят. Вроде все понятно, но как-то непривычно, тяжело смысл улавливать.

Тиркрит, побагровев, рывкнул так, что у не близко стоявшего Троя едва не заложило уши:

– Преступница Тарайра! Двадцать отжиманий! На камнях! На кулаках! Выполнять, продажная стерва, пока я тебе не расквасил физиономию!

Сзади кто-то тихим голосом злорадно произнес:

– Вчера она в пустой казарме ублажала и Тиркрита, и всех его дружков. Решила, что после такого стала королевой школы. Вот ведь тупая дура.

Отжимания давались Тарайре непросто, и Тиркрит несколько раз с нескрываемым удовольствием стимулировал ее пинками между лопаток. Когда она наконец поднялась и повернулась, Трой увидел на ее лице столько с трудом сдерживаемой злобы, что хоть ведром вычерпывай.

– Тиркриту теперь придется ублажать себя ручным способом, – весело произнес позади тот же голос. – Он ее здорово разозлил.

Дальше стояли без зрелищ. Просто таращились в стену, быстро уяснив, что вертеть головой по сторонам нельзя, на примере того, кого на этом поймали. Нарушитель отделался легко, всего-то двадцать отжиманий. Но для толстяка даже это вылилось в проблему, он и пять раз с первого захода не смог оторвать свою тушу от камней. Да еще и костяшку повредить ухитрился, кулак теперь весь в крови.

Показался сэр Файеррис в сопровождении пары незнакомых молодых мужчин. Вопреки здешнему обыкновению, они не были увешаны доспехами, оружия у них тоже не

наблюдалось. Просто штаны и тонкие рубахи без рукавов. Встали оба на шаг за спиной главы школы, а тот, пробежавшись взглядом по плацу, затянул свою очередную пространную речь:

– Вы те, кому повезло – вы больше не заключенные. То есть не совсем узники. С этого момента вы ученики школы Хольдеманг. Святой Круг счел, что вы достойны попытки встать на путь истинный. Теперь вы душой и телом принадлежите церкви и подчиняетесь мне и моим людям как ее воинам и слугам, а не как вашим надсмотрщикам. Все, что было раньше, остается позади, за единственным исключением: ученики Трой, Айлеф, Драмиррес, Миллиндра, Бвонг, Храннек и Айриция по пути к побережью земель Краймора пережили намного больше всех прочих. Им не раз пришлось рисковать своими жизнями, и не все перенесли свалившиеся на них испытания. Церковь благодарна им за то, что они смогли добраться до школы. Никто из них не сбежал и не получил тяжелые ранения, которые могут вывести рашмера из строя на долгий срок. Но мне не нравится то, что эта группа учеников держится отстраненно, выделяясь от прочих. И дело здесь не только в заслуженном праве на ношение оружия. Здесь нет друзей, нет братьев и сестер, есть лишь рашмеры. Тот, кто отделяет себя от других, ослабляет церковь. Ведь одиночка – ничто, а чего можно ждать от человека, который смотрит на тебя свысока, не снисходя до простого общения? Я понимаю, что перенесенные сообща невзгоды их сдружили, но прямо сейчас каждый из них должен показать, что они здесь не сами по себе, а часть великой общности. Держаться отдельно от других – это подвергать свои и чужие жизни риску, ведь трудно понять, чего можно ждать в бою от таких, и будет ли вообще хоть какая-то поддержка с их стороны. Все ваши жизни всецело принадлежат церкви, и, получается, таким поведением они косвенно покушаются на ее имущество. Подобное не может пройти без наказания, и поэтому каждый из них сейчас отожмется от камней сто раз. Хотя наши правила рекомендуют обращаться с новыми ученицами мягче, в этом случае я не стану делать исключение, они будут отжиматься наравне со всеми. Приступайте. Тиркрит, проследи, чтобы они не задерживали остальных учеников.

Сто – это для Троя немало, но и не сказать, что запредельно. Вчера он, доказывая Драмирресу, что можно и нужно над собой работать, сумел отжаться сорок шесть раз, после чего свалился в изнеможении и остаток до шестидесяти добирал за пару натужных попыток. Сегодня он не выспался, его кожа покрылась пупырышками от предрассветной прохлады и сырой одежды, но тем не менее его хватило на сорок девять раз.

Уже чуть лучше.

А потом пришлось стараться, выбиваясь из сил, падать снова и снова. Еще и пинок между лопатками получил от Тиркрита, чтоб он в болоте сгнил. Трой сумел подняться на дрожащие ноги первым. За ним, вот уж удивительно, с минимальным отставанием сделал свою сотню мелкий Храннек. И это с учетом того, что у него только-только сняли повязку с поломанной руки. Айлеф и Бвонг при всей своей силище значительно от него отстали. Руки у них выглядят серьезно, но и тела немаленькие, даже развитым мышцам нелегко толкать такую тяжесть.

Айриции пришлось тяжелее всех. Слишком пышные объемы успела набрать, даже походная жизнь не очень-то на это повлияла. А ручки тоненькие, такими только кошек гладить. Глядя, как Тиркрит торопит ее пинками в спину, Трой мысленно поклялся, что непременно устроит этой твари какую-нибудь изощренную гадость. Дай только шанс, и на тебя найдется управа.

Наконец с наказанием было покончено. Но, как выяснилось, не совсем. После

экзекуции сэру Файеррису потребовалось моральное удовлетворение.

– А теперь вы хором произнесете такие слова: «Я, ученик школы Хольдеманг, вверил свою жизнь Церкви Святого Круга. Прошу прощения за то, что своим поведением подверг угрозе церковное имущество». Слово в слово, дружно и без заминок. Начали.

О какой угрозе вообще идет речь? Ни малейшей вины Трой за собой не чувствовал. На ровном месте наехали, просто придрались без малейшего повода, никак иначе такое не назовешь. Рыцарь просто наглядно показывает, что главный здесь он, и только он.

Сволочь, а не рыцарь...

Первую попытку произнести извинение сэра Файеррис пресек взмахом руки:

– Я не слышу искренности в ваших голосах. И еще вы говорите вразнобой. Давайте искренне, с чувством, с выражением. Начали.

Вторую попытку он тоже забраковал. Лишь третью не прервал, дал произнести все до последнего слова.

– Я, ученик школы Хольдеманг, вверил свою жизнь Церкви Святого Круга. Прошу прощения за то, что своим поведением подверг угрозе церковное имущество, – вместе со всеми произнес Трой и, вздохнув в ожидании неизбежной расплаты, непринужденным тоном добавил: – Сэр Файеррис, а если бы мы на самом деле подвергли свои жизни опасности? Что бы вы тогда для нас придумали? Тысячу отжиманий? Две тысячи?

– Ученик Трой! Еще сто отжиманий! Нет, двести! Тиркрит! Проследить, чтобы этот наглец отжимался без долгих заминок!

* * *

Недавно Трой о себе не знал ровным счетом ничего. Но постепенно голова наполняется информацией. Нет, он так и не вспомнил, кем был, откуда родом и за какие прегрешения стал забывшим обо всем рабом церкви. Увы, все это надежно стерто неведомыми экзекуторами.

Зато теперь он каждый день узнает о себе что-то новое. Оказывается, он умеет двигаться заметно быстрее других и вообще не из медлительных. И тупым его не назовешь, соображает хорошо. Отжимается получше некоторых, пока что никто не смог с ним в этом сравниться или превзойти. И до сегодняшнего наказания замечал за собой приличную физическую форму, приятно убедиться в этом лишний раз.

А еще Трой неводержан на язык и вечно напрашивается на неприятности. Умом прекрасно понимает, что нарывается, но ничего не может с собой поделать.

Уж очень его раздражает этот болтливый чурбан.

Сейчас Трой в очередной раз узнал кое-что новое. Оказывается, он выносливее всех прочих. Двух легко одетых помощников сэра Файерриса звали Дранг и Таманг, они возглавили коллективный забег учеников. Из ворот выскочили двумя относительно стройными шеренгами, но чем дальше, тем больше растягивались. Кто-то постепенно вырвался вперед, кто-то далеко отстал. Еще вчера Трой отметил, что вокруг замка тянется добротнo натопанная тропа. Полагал, что ее оставляют сапоги патрульных. Ошибался, это дело ног учеников, которых истязали на ней каждое утро, вот уже не один десяток лет.

Всего пришлось пробежать десять кругов. Некоторые отстали настолько, что и восемь не успели сделать в то время, когда первые добрались до финиша.

Но самые быстрые недолго радовались. Не успели перевести дух, как Тиркрит заставил их отжиматься. Не очень при этом злобствовал, позволяя подолгу оставаться на вытянутых руках. Но это тоже изматывало. Некоторые приглушенно начали поругивать отстающих, ведь из-за них им придумали такое «удовольствие». Надеялись, что медлительных накажут, но, как это ни странно, ничего подобного не случилось.

Затем всех погнали на плац, где заставляли крутить руками, махать ногами, приседать и, разумеется, отжиматься, как же без этого. Хотя одежда на Трое не просохла, а небесное светило только-только всерьез оторвалось от горизонта, он взмок от пота.

День едва начался, а он уже чувствует себя так, будто на нем неделю лошадей катали. И вообще, после вчерашней высадки минуты отдыха не дали. Все время чем-то занят, просто до сегодняшнего утра это были занудные внушения, нехитрое обустройство в казарме, беглое знакомство с многочисленными соседями. А сегодня потянулись просто физические нагрузки, и ничего более.

Странно, ведь сэр Транниллерс при любой возможности старался давать знания, а не напрягать тела. Лишь однажды, еще на корабле, изменил этому принципу. Тогда они опасались прорыва рабов пепла, которые оккупировали темный трюм, и потому надо было готовиться встречать их с оружием в руках.

Но здесь, в этой школе, на знания, похоже, всем глубоко плевать. Или все дело в том, что из-за катастрофы с бригом не набрался полный состав? И теперь руководство спешно пытается заполнить эту пустоту, свозя учеников из групп, которые предназначались другим школам? Вон, даже с Харбора привезли нескольких, а ведь таких не принято держать компактно, опасаются склонности к побегам. До родины им не так далеко, как всем остальным, это может спровоцировать.

Сколько еще придется терпеть подобные мучения? Две дюжины дней? А может, четыре, как насмешливо намекнул уродец Тиркрит? Да за такой срок Трой свихнется, не говоря уже об остальных, у них-то с выносливостью похуже.

Зато отжиматься научатся по тысяче раз, к этому все идет.

* * *

Как начал подозревать Трой, ясная погода на острове Скелета – великая редкость. Солнце если и показывается, то лишь чтобы подразнить, надолго своим присутствием никогда не обременяет.

Вот и сейчас небеса затянуло без просвета. Дождя не было, но воздух будто пропитало мельчайшей водной взвесью. В такую погоду, находясь на улице, может быть, и не вымокнешь до нитки, но одежда обязательно отсыреет.

А она у Троя и без того далеко не сухая.

Но руководству школы плевать на погоду, оно и в ливень готово гонять начинающих рашмеров в хвост и в гриву. Вот и сейчас согнали всех на плац, заставив расположиться на «своих» камнях. Спасибо, что на этот раз обошлось без отжиманий, просто приходится стоять, и переминаться с ноги на ногу при этом нельзя.

Иначе без отжиманий не обойдется.

Просто стоять, разумеется, скучно, тем более что в первой шеренге даже рот не раскроешь, это слишком заметно. А вот среди задних хватало болтунов, и время от времени

кто-то бросал пару-другую фраз, но надолго это не затягивалось.

Все изменилось с появлением Клюпса – мелкого прыщавого харборца с непрекращающимся насморком, воспаленно-красными глазками и суетливыми повадками вороватой крысы. Примус обнаружил у него одну из редких разновидностей магической аллергии, пропущенную при отборе, и теперь ученика по строгому графику накачивали какими-то зельями. Если на частые процедуры его уводила охрана, то назад он обычно прибегает сам, как было и сейчас.

Заняв свое место, Клюпс тихо, чтобы не донеслось до ушей Тиркрита, произнес:

– Гнадобиса привезли.

Народ зашумел, что вызвало мгновенную реакцию Тиркрита. Не выясняя, кто прав, а кто нет, выдернул из строя двух первых попавшихся, обозвал грязными псами, заставил отжаться по двадцать раз. Сочтя свою миссию исполненной, экзекутор отошел к стене поболтать со стражником, чем тут же воспользовались болтливые ученики.

– А правда, что он приплыл на отдельном корабле? – произнес кто-то.

– Вроде да, – ответил Клюпс, шмыгнув носом. – Я слышал, как сэр Файеррис послал пару стражников встречать этого гада. Сам не пошел, брезгует, наверное.

– О чем вообще речь? – спросил Трой, воспользовавшись тем, что Тиркрит отвернулся в другую сторону.

– А ты разве не знаешь?! – удивился Клюпс.

– Нет.

– Это ведь все знают. А, ну да, вас ведь в сборном лагере не было, в своей глуши сидели.

– Давай рассказывай, – прогудел Бвонг.

– Да тут до нас новости дошли, что везут к нам отдельного рашмера, на отдельном быстроходном корабле. В другую школу хотели его определить, но епископ лично распорядился прислать сюда, а сэр Файеррис этому не очень-то рад. Стража все время об этом судачит, ну мы и узнали.

– Что не так с этим Гнадобисом? – спросил Бвонг.

– Для него выделили отдельный корабль. Самый быстроходный.

– Ну и что с того?

– Его дядя – большущая шишка в церкви. Отец не церковник, но тоже не из простых людей. Сэр Файеррис надеялся, что они сумеют изменить приказ епископа. Наша школа не из лучших, тут слишком небогато и опасно, для Гнадобиса поберегли местечко куда теплее. Но, похоже, ничего у них не получилось, раз этого типа все равно привезли к нам.

– Понятно – проштрафившийся богатенький сынок. У таких причуд полно, я понимаю сэра Файерриса, он не в восторге от нового ученика. За что его вообще замели?

– Насильник и убийца.

– Во как? Ну надо же – почти как наш Мардукс.

– Я пальцем не трогал ту стерву, – пробубнил белобрысый здоровяк.

– Гнадобис убил дочку торговца дорогими тканями, – произнес Клюпс. – Выстрелил в нее из арбалета и сказал, что это случайно вышло. Прямо посреди улицы ее подстрелил, развлекался, пуская болты с балкона городского дома своего папаша.

– И за такую ерунду крутой сынок попал на Крайний Юг?

– Нет, сначала дело замяли церковники. Но родня девушки взбеленилась и дошла до королевского прокурора, а с церковью у короля не все ладно, и потому он очень нервно относится ко всем ее делишкам. Вот и потребовал заточения для убийцы. Пока то да се,

Гнадобис со своими дружками умыкнули дочку прокурора, а заодно и судьи. Одной было всего-то одиннадцать лет. Вволю натешились, после чего обеих повесили на городском мосту. До кое-кого из дружков наутро дошло, что они натворили. Ну, это когда слегка протрезвели. В бега подались. Некоторых даже не поймали. Но Гнадобис верил в своего папаню, как Примус верит в Святой Круг, вот ведь тупой дуралей. Подобное ни его папаня, ни брат папани замять не смогли. Дошло до того, что королевская армия осадила их родовой замок, требуя выдачи преступника. Уж не знаю, как эти прохвосты там извернулись, да только Гнадобис отправился не к королевским палачам, а на Крайний Юг. А это все же получше, чем трещать костями на дыбе.

– В рашмеры не берут таких злостных преступников, – неуверенно произнесла Миллиндра.

– Это если речь не идет о сынках больших папаш, – буркнул Бвонг. – Ты слишком наивная, Веснушка, тут и не такое может случиться.

– Кто там опять раззявил свою вонючую пасть?! – прошипел Тиркрит. – Айлеф! Друмкс! Двадцать пять отжиманий на кулаках! Выполнять!

* * *

Стоять пришлось долго, по десятому разу обсасывая скудную информацию о личности нового ученика и полное отсутствие сведений о причине перерыва в нескончаемых физических занятиях. Никто из стражников даже не подумал кинуть ученикам пару слов, и рашмерам приходилось всячески напрягать фантазию. Кто-то предполагал, что все ждут церемонию посвящения в рашмеры, которую решили провести быстрее обычного, из-за того что основная масса учеников дико завидует группе Троя. Другие полагали, что такое времяпрепровождение считается сложным упражнением и надо привыкать к тому, что оно будет повторяться ежедневно.

Разговорчики стихли с появлением сэра Файерриса. За ним шагали уже знакомые Дранг и Таманг – неразлучная парочка, командующая забегами учеников. Судя по смуглым лицам, курчавым волосам и полноватым губам – оба северяне, вроде Драмирреса. Между ними шагал, очевидно, тот самый новенький, и даже без рассказа о некоторых деталях его биографии Трой бы отнесся к нему настороженно.

Внешность неприятная.

Вроде не урод, некоторые даже красавчиком сочтут. Чуть выше Троя, но пониже Бвонга – то есть золотая середина. Аккуратная прическа, в которой каждый черный волосок уложен на причитающееся ему место; черты лица излишне острые, будто вышли из-под резца слегка переборщившего с обрезкой скульптора; плечи гордо расправлены, голова неестественно запрокинута, глаза насмешливо-презрительные, но взгляд при этом отстраненный, будто в свой мир таращится, а до окружающей действительности ему нет никакого дела. При всем этом не покидает ощущение скрытой запущенной гнильцы, будто Гнадобис лишь внешне прикидывается сильным человеком, а ткни пальцем – захнычет, словно обиженное дитя.

Хотя, возможно, Трой сильно предвзят, что тут удивительного после рассказа о его художествах. С другой стороны, как знать, сколько в этом рассказе правды? Ученикам ведь никто ничего не обязан докладывать, информацию собирали по отдельным оговоркам из разных источников. Могли при этом лишнего придумать и создать монстра из безобидного

парня, вроде того же горемыки Мардукса.

Хотя так ли безобиден этот новенький? Трой уже успел послушаться здесь разных историй и пришел к выводу, что половина из них вряд ли соответствует действительности. То есть надо тщательно фильтровать все услышанное. Некоторые принципиально отказываются признать, что за ними есть хоть какая-то вина. Готовы плести любые небылицы, лишь бы доказать, что безгрешнее их никого не найдешь.

Глупо.

Сэр Файеррис остановился перед строем, положил ладони на рукояти меча и кинжала, безучастным голосом произнес:

– У меня для вас новость. Должно быть, самые проницательные заметили, что наши занятия не обходятся без странностей. Пока что напрягают ваши тела, но не разум. Это можно объяснить тем, что не у всех этот разум имеется, но на самом деле причина несколько иная. Никто не будет два раза повторять одно и то же для разных учеников. У нас нет для этого времени и желания, слишком много чести для преступников. Отряд собирается один раз, и один раз в него вбивают все, что каждый должен знать для выживания на Крайнем Юге. Своими телами вы можете заняться и без нашей помощи, это я говорю для тех, кто понимает пользу развития. А вот знания – другое дело, тут без учителей обычно никак. Но с этим мы ничего не могли поделать до окончания формирования отряда. И сегодня я сообщаю вам, что формирование завершено. По уставу школы, командиром отряда назначается выбранный секретариатом конклава ученик. К сожалению, тот, который должен был занять это место, трагически погиб на барке «Кархингтайл». Но секретариат подобрал замену.

Сэр Файеррис поморщился с видом человека, вынужденного натошак слопать немалую миску самого вонючего дерьма. Складывалось впечатление, что решение секретариата он не одобряет.

Но голос его не дрогнул:

– Ученики школы Хольдеманг, встречайте вашего командира – благородного сэра Гнадобиса Дариньяка Четвертого.

– Ну охренеть! Да пошел он в задницу, этот урод! – в голос за всех эмоционально высказался Бвонг и, упреждая злобный окрик рыцаря, опустил, упираясь костяшками крепко сжатых кулаков во влажные камни плаца.

Тридцать отжиманий – не так уж и много, за подобное прегрешение должны были дать не меньше сотни. И то, что наказание столь несерьезно, подтверждало мысли Троя.

Сэр Файеррис и впрямь не в восторге от решения секретариата.

* * *

Казарма бурлила.

Несмотря на то что днем все основательно вымотались, никто не спешил забираться на койки. Даже более того, в нарушение правил внутреннего распорядка девчонки находились здесь же и наравне со всеми на все лады обсуждали кандидатуру командира. И стражники почему-то не заглядывали, даже вездесущий Тиркрит куда-то запропастился.

После короткого, но емкого выступления Бвонга на плацу, завершившегося тремя десятками отжиманий, здоровяк имел некоторый успех, так что к его простым словам прислушивались многие. И сейчас он во всю глотку вещал о наболевшем:

– Это с какого такого перепугу я должен повиноваться приказам упыря, который только и умеет, что душить мелких девчонок? У нас на рынке за такие художества полагалось одно наказание, после которого девчонки становятся вообще неинтересны. В том случае, разумеется, если пережить сумеешь, а это вряд ли. Строго, но так правильно, так в наших краях жили во все времена и так будут жить и дальше. А у вас разве не так все было?

– Так! Так! – закричали с разных сторон. – Таких тварей у нас нелюдями считают, а нелюди не должны жить!

– Вот и я о том же. Потому что такие уроды не бывают уродами в одном, на них и во всем прочем нельзя полагаться. Грязь человеческая, вот это кто, а грязь принято убирать. Я лучше вот кому буду подчиняться, чем такому ублюдку, – с этими словами Бвонг ухватил за кончик хвоста дохлую крысу, которую до этого лично прикончил, обнаружив греющейся в его койке. – Вот этот командир гораздо лучше будет. Или не так?!

– Так! Все так! Крыса лучше этого уroda! – загудели некоторые.

– Предлагаю послать этого ублюдка в пороссячью задницу, и пусть нашим командиром будет Трой. Он, конечно, тот еще задавака, но за своих всегда горой, жизни не пожалеет. Представляете, каково ему было пробираться неделями по тессеркулле? А он на это пошел, чтобы выручить товарищей. Поэтому я даже простил то, за что должен был ему начистить морду. Заслужил он, гад эдакий, скинул меня в воду с палубы, а плавать-то я не умею. Но я теперь его почти люблю, лучше командира нам никогда не сыскать. Троя в командиры!

– Трой! Трой! – нестройно поддержали его крик.

– А ну тихо! – громко произнес Трой, поднимаясь. – Сильно соскучились по отжиманиям? Так покричите погромче, и вам быстро их организуют. Бвонг, я думал, что ты умнее.

– Да что тебе опять не так?!

– Слышал, что говорил сэр Файеррис? Командиров отрядов назначает секретариат, заранее выбирая их из числа заключенных. Наверное, учитываются какие-то особые качества или происхождение. Кем бы ни был Гнадобис, но, судя по приставке «сэр», он из благородных по праву рождения. Есть среди вас другие благородные? Нет? Значит, секретариат не ошибся.

– Да в бычьем заду я видал и Гнадобиса, и этот уродский секретариат! – взорвался Бвонг. – Все знают, что вонючий козленок стал командиром только благодаря своему дядюшке. Думаете, в церкви одни святые собрались? Да как бы не так! Я вам много чего могу про разных преподобных рассказать, доводилось насмотреться на их выкрутасы. Мне противно даже подумать, что к этому вонючке надо обращаться как к командиру. Пусть червями командует, гной ходячий.

– Тем не менее ты не член секретариата. И остальные тоже. Как бы вы здесь ни кричали, что бы ни делали, это решение вам не изменить. Разве не видели, как кривился сэр Файеррис? Ему новое назначение тоже не по душе, но он человек церкви и обязан подчиняться ее решениям. Мы тоже люди церкви и тоже обязаны. Так что не пойму, с какой стати ты так взбеленился? Всех остальных это тоже касается. Пустой разговор и напрасные крики, от нас здесь ничего не зависит. Лучше ложитесь спать, завтра рано вставать, и день будет нелегким, это нам уже пообещали.

– Тревога! – крикнул Храннек, на миг выглянувший в коридор.

Вопль застал всех врасплох, никто не понимал, как реагировать и каким именно способом скрыть проводящееся спонтанное собрание. Выход из казармы всего лишь один, и,

воспользовавшись им, окажешься в узком сумрачном коридоре. А как раз оттуда свечение пробивается, и это не жалкий фонарь на китовом жиру, которым пользуются ученики, там явно что-то более мощное. То есть беглецов заметят, а это значит, что девчонкам уже не скрыться.

В помещение вплыл светляк, описывавший круги над головами четверки мужчин самых разных возрастов. Старшему, Тиркриту, уже хорошо за тридцать, Дранг и Таманг еще не разменяли эту цифру, а последнему, Гнадобису, и двадцати еще нет, выглядит не старше восемнадцати, и как бы он ни тужился, годков это ему не прибавляет.

Походит на цыпленка, которому приклеили хвост взрослого петуха, вот только это ни капельки не смешно.

Все замолчали, всякая суета прекратилась, воцарилась напряженная тишина. Пойманы, что называется, с поличным. Плюс магический свет показал то, что до этого было скрыто, – пока гремели дебаты, в дальнем уголке Драмиррес всюю обжимался с Тарайрой. Той самой крупноватой девицей, которую сегодня наказывали. Вроде бы раньше она жила в борделе, и понятно, чем именно там занималась, да и здесь ее поведение не слишком изменилось, так что смуглолицему не пришлось излишне напрягаться ради завоевания симпатии.

Тиркрит, ослабившись, спросил, обращаясь непонятно к кому:

– Всех на плац и пару сотен на кулаках?

Гнадобис вскинул руку, покачал из стороны в сторону вытянутым пальцем, изо всех сил выдавливая нотки снисходительного превосходства, произнес:

– Мы пришли сюда не за этим, – и, не совладав с натужными нотками, нервным голосом продолжил: – Я слышал кое-что из того, о чем вы здесь говорили, и за такие слова полагается серьезное наказание. Но сегодня я добр, и мы обойдемся без него. Но только сегодня. Если кому-то впредь захочется обсудить меня как командира, ему придется проглотить свой гнилой язык или иметь дело с Тиркритом. А может, даже с самим сэром Файеррисом. Нравится вам или нет, но с этого дня я ваш командир и вы будете делать то, что я вам прикажу.

Бвонг, состроив уморительную гримасу, приложил ладонь к уху и спросил:

– Ась? Что ты только что приказал? Подставить задницу для поцелуя? Да я легко, целуй сколько влезет, только у меня к вам, сэр командир, один важный вопрос: ты, урод горбатый, свои вонючие губы давно мыл?

Тиркрит сделал шаг, встав между Гнадобисом и Бвонгом, покачал головой:

– Ну ты, толстяк, попал на все пятьсот. В самой глубокой луже будешь отжиматься, готовь брюхо к сырости.

– Кто его командир?! – срываясь на нервное повизгивание, выкрикнул Гнадобис. – Кто командир его десятка?!

Тиркрит ослабился:

– Трой, кто же еще.

– Он тоже должен быть наказан! И пятьсот мало! Я хочу, чтобы они отжимались всю ночь! Тысячу каждому!

– Да легко! – не унимался Бвонг. – Жаль, что вместо меня с твоей мамочкой отжимался какой-то тупой гoblin, глядишь, и ей бы больше повезло с сынком! На вот, хватай покрепче, это мы тебе на ужин сообразили, ты же вместе со всеми жрать стесняешься.

С этими словами толстяк метнул в Гнадобиса дохлой крысой, метко угодив в физиономию.

– Жаркое хоть куда получится! Только смотри не подавись от радости!

– Тысячу! Он должен отжаться тысячу! И дайте мне палку! Палку дайте! Я сейчас сам с ним разберусь! – Голос Гнадобиса сорвался на откровенный визг, вышедший из себя командир выглядел одновременно и жалко, и страшно.

– Зачем тебе палка?! Врезать мне хочешь?! Ну давай, вперед! Тиркрит подвинется, мешать не станет! Или ты, Тиркрит, встанешь горой за этого трусливого уродца?!

– На место, Бвонг, – с угрозой протянул церковник. – Иначе...

Что он хотел сказать дальше – осталось тайной, потому как последние остатки терпения толстяка испарились. Случилось то, что уже бывало однажды, еще на корабле. В тот самый первый день новой жизни Троя досталось бедолаге Стейкеру, чьи кости потом остались среди побегов тессеркуллы.

Сегодня досталось Тиркриту.

Бвонг без предупреждения налетел на воина церкви. Тот был не из мелких, массой если и уступал, то немного, но или забыл о боевых делах, или вообще ими не занимался никогда. В общем, проморгал рывок, оба покатались по затоптанному полу, причем толстяк оказался сверху и пару раз успел неплохо приложить по голове черновника. Гнадобис только и смог, что вытаращить глаза, глядя на драку сверху вниз, а вот Дранг и Таманг не сплеховали, налетели с двух сторон, начали выкручивать Бвонгу руки.

Тот заревел с яростью и болью, потянулся к противнику тем, что осталось свободным, – зубами. А тот, чуть высвободившись, без замаха двинул толстяка в нос, отчего сам себя забрызгал его кровью.

Все это Трой успел заметить уже на бегу. Здравые мысли на тему того, что не стоит усугублять конфликт с новым командиром и тем более рисковать подпасть под обвинение в бунте, исчезли в миг начала драки, под неистовые крики «Наших бьют!», которые доносились со стороны Драмирреса и Храннека. Ну да, все равно за бойца отвечать придется десятнику, как до этого и сказали, так что нет смысла стоять в сторонке, придется повеселиться на всю катушку.

Дранг оставил Бвонга в покое после единственного удара куда-то в область виска. У Троя после этого болью свело костяшки пальцев, и быстро утихомирить Таманга не получилось. Да и не дали, подлетел Айлеф, навалился на смуглолицего, начал заламывать без изысков, будто разъяренный медведь.

Увидев, что извивающийся под Бвонгом Тиркрит тянется к поясу, где болтались ножны с кинжалом, Трой от души двинул его в бок локтем, краем глаза заметив, что Гнадобис выбежал в коридор и там уже визгливо заорал:

– Тревога! Тут Тиркрита убивают!

Пока что не убивают, но ему пришлось на полную ширину кошелька расплачиваться за все отжимания. Уже и Драмиррес подтянулся, и даже Храннек, а Таманг окончательно успокоился после удара табуретом – Миллиндра подоспела. Вроде мелкая, а двинула так, что кровь брызнула.

В коридоре зашумели, к казарме мчались стражники, а далеко не все ученики поддерживали драку. Точнее, в нее влезли лишь товарищи Троя. Так что соотношение сил вот-вот грозило измениться в худшую сторону. И потому Трой, пользуясь последними благоприятными мгновениями, тщательно прицелился и от души двинул Тиркрита в правый глаз. Синяк после такого выйдет шикарным, всей школе на загляденье.

Первый день учебы выдался тяжелым и нервным, зато закончился интересно.

Глава 4. Ночные могильщики

– Вышли оба, – бесстрастно скомандовал сэра Файеррис.

Верзила, под охраной которых Троя пришлось пройти путь от сырого подвала до верхнего яруса башни, скрылись за дверью. Сэр Файеррис ничуть не волновался по поводу того, что остается наедине с буйным новичком. Он даже не смотрел на виновника и вообще ничем, кроме пары слов, не отреагировал на его прибытие. Так и сидел за массивным грубо сколоченным столом, старательно выводя букву за буквой на узком листе дешевой желтоватой бумаги.

Трой осмотрелся. Апартаменты сэра Файерриса не поражали своим величием по причине отсутствия этого самого величия. Одна полукруглая каменная стена и две прямые деревянные, на каждой из них висит что-нибудь не слишком затейливое: пара скрещенных копий с непомерно широкими наконечниками; клыкастый череп неведомого существа; сильно изъеденный молью гобелен, на котором ничего не удавалось разглядеть. Кривоватый шкаф, стол, кресло, пара табуретов – вот и вся обстановка. Койки здесь не наблюдалось, но Трой был уверен, что в помещении, где ночует первое лицо школы, он не увидит ни дорогих шелков, ни позолоты, ни каких-либо других признаков роскоши. Этот человек в бессмысленной мишуре не нуждается.

Не удержавшись, потер левый глаз. Смотреть на мир приходилось сквозь узкую щелочку внушительной опухоли, синяк, судя по всему, выйдет роскошный, не хуже, чем у Тиркрита. Мордоворотам в кожаных доспехах не понравилось, что их подельникам неплохо навалили, и они как бы невзначай спустили Троя с лестницы, «нечаянно» поймав лицом на кулак.

Ничего, он не собирается скрежетать зубами от обиды. Просто запомнил рожи и когда-нибудь обязательно поквитается. Раз уж старой памяти нет, то надо создавать новую. Так почему бы не начать с запоминания должников.

Это ведь практично.

Сэр Файеррис отложил перо, небрежно посыпал исписанную бумагу песком, отодвинул ее, откинулся на спинку кресла, уставился на Троя холодным взглядом. Тот смотрел в ответ в полтора глаза, твердо вознамерившись выиграть игру в гляделки.

Глава школы не стал долго упрямиться, отвел взгляд, скосив его на бумагу. Ему якобы пришла в голову идея посыпать ее песком еще раз, дескать, чернила никак не просыхали. Занимаясь этим, как бы невзначай произнес:

– На барке «Кархингтайл» перевозили двоих стертых. Выжил лишь один – ты.

Трой никак не отреагировал на эти слова.

– Со стертыми всегда хватает проблем. Разные люди по-разному переносят процедуру, некоторые при этом навсегда превращаются в слюнявых идиотов. Младенцы в зрелых телах – жалкое и уродливое зрелище, лучше уж смерть, чем такое. Все, что они умеют, – это мычать и пачкать пеленки. Другие просто впадают в ступор на недели и месяцы, потом медленно начинают возвращаться к жизни. И все они, даже те, кому крупно повезло и разум на первый взгляд не пострадал, ведут себя тише падающего на гранит перышка. Но только не ты. Нападение на воина церкви, нападение на слуг церкви, дерзкое неповиновение, призыв к бунту, да и в целом все случившееся можно подвести под бунт.

– Я никого ни к какому бунту не призывал, – твердо заявил Трой.

– Правда, что ли? – Сэр Файеррис вскинул брови, с подчеркнутой неправдоподобностью

демонстрируя крайнюю степень изумления. – А мне вот сообщили, что ты, напав на воинов и слуг церкви, выкрикивал призывы к неповиновению. А именно – призывал заключенных избивать их.

– Неправда. Я кричал своим, чтобы не вытаскивали оружие. Говорил, что бить надо голыми руками, оружием нельзя, убийство нам не нужно, мы ведь не бунтовщики, мы просто повздорили.

– А калечить кулаками, значит, можно?

– Это меньшее зло.

– Значит, меньшее зло... ну-ну... А клеветы на церковь с твоей стороны тоже не было?

– Ни единого слова неправды.

– Когда тебе выкручивали руки, ты кричал, что учеников держат за скот, что их убивают, заражая пепельным ядом. Меня ввели в заблуждение или все было именно так?

Трой пожал плечами:

– А разве не так? Мы и впрямь на положении скота. И пепельным ядом заразились не сами, это сделали церковники. Я, конечно, не к месту поднял эту тему, много чего лишнего на язык просилось в тот момент, но где здесь клевета?

– А известно ли тебе, что большая часть преступников соглашаются на процедуру пепельной инъекции добровольно? Они сами сюда просятся.

– Все они очень молоды, их легко убедить, что лучше короткий срок на Крайнем Юге, чем долгая каторга на теплом севере. А некоторые говорят, что им навязывали это решение магией или угрозами.

– Чепуха, в этом нет никакого смысла.

– Когда мои товарищи остались на острове посреди Чечевицы, церковные власти не стали их спасать, мне пришлось сделать это самому.

– А ты пробовал к ним обращаться?

– Меня убедили, что в этом нет смысла.

– То есть из-за чужих слов ты делаешь столь глубокие выводы? Глупее, чем казался, умные так себя не ведут. Но это уже не важно. Ты, Трой, совершил проступок. У нас здесь справедливые порядки, следовательно, за свой проступок виновник должен понести наказание. Скажу прямо – в твоём случае наказание должно быть очень суровым. Возможно – даже чрезмерно суровым. Но я практичный человек и, если вижу где-то богатый потенциал, стремлюсь использовать его на благо церкви. Ты не выглядишь сильным. Да, жилистый, и мускулатура кое-какая имеется, несомненная резкость движений присутствует, но ничего особо впечатляющего. К тому же на вид тебе не дашь больше девятнадцати. При всем этом ты сумел вырубить не самого последнего нашего воина одним ударом. Еще одним ударом едва не оставил без глаза Тиркрита. Он, конечно, не самый ловкий, но куда сильнее тебя, до этого с ним всякое случалось, но так опростоволосился впервые. Здорово ты и твои дружки его отметили. Именно за тобой пошли другие, у нас чуть не начался настоящий бой. Счастье, что те, кто за тобой пошли, оказались не совсем отмороженными, дело не дошло до оружия. Плюс для Тиркрита это полезный урок, он не должен был бродить по казармам с этим новым командиром. Я, как ты, наверное, понимаешь, вовсе не в восторге от его назначения и не намерен потакать ему во всем. То есть мои люди не должны становиться марионетками в его планах, рашмер должен рассчитывать лишь на себя, пусть даже он всего лишь пародия на рашмера. Итак, получается, что ты силен, у тебя есть навыки рукопашного бойца с отличной реакцией, и завоевываешь авторитет так быстро, что люди, которые знают

тебя недавно, готовы пойти вместе с тобой на серьезный дисциплинарный проступок, а может, даже преступление. Да что там говорить, даже эти свежие телята из Харбора плотки надрывали, выкрикивая «Троя в командиры», а ведь оттуда обычно привозят не людей, а жалкий бессловесный скот. То есть ты перспективный и ты можешь быть полезным. Церкви нужны такие люди. Все это я объяснил тебе только для того, чтобы ты не решил, что тебе все дозволено. Я умею отделять зерна от плевел, но и гнилые зерна от здоровых тоже отличать могу. Так что всего один раз я смягчу наказание. Один раз, запомни это как следует.

— Остальные ни в чем не виноваты.

— Я не позволял тебе открывать рот. На пол. В упор лежа. Двадцать отжиманий.

— Это моя вина, это все из-за меня.

— Сорок отжиманий.

— Я виноват, меня и наказывайте. Ну или Бвонга вместе со мной, ведь он первый взбеленился, он дико ненавидит таких, как Гнадобис, его младшего брата убил такой же грязный урод. Остальные тут ни при чем.

— Гм... А ты упрям, и это тоже может быть полезным. Видишь эти песочные часы?

— Вижу.

— Сейчас я их переверну, и до того, как вниз упадет последняя песчинка, ты должен успеть отжаться от пола сто раз. В таком случае наказание будет смягчено для всех. Вы все будете наказаны одинаково, но не так строго, как заслужили. Время пошло, и должен сказать, что его у тебя немного.

* * *

Дневные страшилки сэра Файерриса невольно навели Троя на мысль, что с наступлением ночи никто из обитателей школы не выбирается за ее стены. Там ведь начинаются холмы, где можно наткнуться на страшные кусты, которые способны хватать зазевавшихся путников; и чудища, которые могут покалечить, убить и даже грязно надругаться. Плюс трясина, где местами нет дна, плюс еще какие-то неописанные опасности, коими весьма богата эта затерянная на краю света земля.

Тем не менее створки ворот разошлись перед маленькой группой: два воина церкви в кожаных доспехах, при шлемах, легких щитах и копьях сопровождали группу из семи учеников.

Трой, Драмиррес, Миллиндра, Храннек, Айриция, Бвонг и Айлеф. Никто из них не сумел отстояться в сторонке, все приняли участие в драке, так что на некоторых физиономиях даже при слабом освещении можно без труда рассмотреть характерные следы недавнего буйства. Налетевшие стражники раздавали тумаки направо и налево, особо не разбираясь, даже Айриции губу разбили, а она уж точно не драчунья, просто носилась вокруг и орала без передышки, морально подбадривая.

Как сэр Файеррис и обещал, все они наказаны одинаково. Вместо того чтобы отсыпаться, как прочие, им придется переться в ночи по болоту неизвестно куда, а затем что-то выкопать. О последнем легко догадаться на основании того, что каждому выдали по большой деревянной лопате. Тяжелые и неудобные, их приходилось тащить на плечах. И в то же время их увесистость придавала уверенности, что в случае столкновения с существами, живущими в болотном мраке, их можно будет поприветствовать не пустыми руками. Ведь по

требованию сэра Файерриса все оружие пришлось оставить в одной кладовой, их лишили права ношения, так что теперь минимум неделю эти вызывающие железяки не будут мозолить глаза рыцарю церкви.

Да и в случае новой драки меньше шансов, что дело дойдет до кровопролития.

Далеко идти не пришлось, остановились на сухом месте, до которого двигались по щиколотку в воде. Воины огляделись по сторонам, один воткнул в податливую почву шест, на конце которого тускло сиял крошечный магический светляк, второй при этом произнес:

– Выкопайте квадратную яму, стороны ее отмеряйте в одну лопату. Копать можете хоть до утра, только не забывайте, что завтра у вас намечается трудный день, и если не успеете поспать, он будет вдвое трудней.

– Какая глубина? – уточнил Трой.

– До самой воды. Как выкопаете, шагайте назад. На вершине башни всю ночь горит факел, он будет вам вместо маяка.

– А зачем нужна эта яма? – спросил любознательный Храннек.

– Это спрашивайте у вашего командира, – ухмыльнулся воин.

Оба сопровождающих развернулись и быстро скрылись во мраке, до слуха теперь доносился лишь плеск воды под подошвами их сапог.

– Почва вроде мягкая, – с добродушными нотками прогудел Айлеф и мрачно добавил: – Мне опять по зубам досталось. Вот ведь сволочи, не могли в другое место ударить.

– Теперь сено трудно жевать? – с деланным участием спросил Бвонг.

– Хватит приставать со своим сеном, несмешно уже, – беззлобно ответил здоровяк. – А ты, Трой, здорово Дрангу врезал, у него глаза стали будто рыбы.

– Ага, – кивнул Драмиррес. – Хорошо, что не убил. Тамангу тоже досталось. Говорят, этот черный бегун будет неделю охлажденным мясным отваром через соломинку питаться, ты ему как следует по горлу двинул.

– Я даже не заметил.

– А чего ты Таманга черным назвал? – спросил Храннек. – Сам ведь такой же.

– Я просто смуглый, все северяне такие. А он почти черный, как дикарь, некоторые живут в ущельях Срединного хребта. Они вообще дикие и вроде даже человечинкой лакомятся. Их у нас не очень-то любят.

– А кто меня вырубил? – спросил Трой.

– Маг, – помрачнел Драмиррес. – Примус заявился на шум. Ненавижу магов. Просто рукой взмахнул, и все закончилось. А ведь я уже летел на него, замахиваясь табуретом. Было бы весело посмотреть на его рожу в тот момент, когда тот бы разлетелся об его голову.

– Преподобный Примус – маг?

– А ты разве не знал?

– Откуда?

– У него на шее амулет школы Разума, значит, он ментальщик. Такого гада удобно при школе держать, если надо, вмиг целую толпу усмирят. А ты зря оставил свой меч на койке, он ведь вроде может спасти от воздействия на разум, сам говорил.

– Может, и так, но это лишь непроверенные предположения.

– Вот бы и проверили.

– Ладно, все мы неплохо повеселились, жаль, что мало, – подытожил Трой. – А теперь должны выкопать эту проклятую яму, и побыстрее. Так что принимаемся за работу.

– Чего это ты раскомандовался? – возмутился Драмиррес.

– Я вообще-то ваш командир. Или ты уже забыл?

– Нет, я к тому, что Бвонг устроил ту драку, вот пусть сам и копает, я за этого буйного борова корячиться не нанимался.

– А чего чуть что, так сразу Бвонг?! – возмутился здоровяк. – Вас не звали, могли постоять в стороне, и ничего бы вам не было.

– К тому же один он будет копать до утра, – прагматично заметил Трой. – Кто-то хочет ночевать, лежа в холодной луже? Я нет, так что советую взяться за лопату, тебе же будет лучше, балабол.

– Ладно уже, становишься таким же пустомелей-болтуном, как сэр Файеррис.

Миллиндра, без заминки вонзив лопату в землю, начала ее заглублять давлениями ноги и задумчиво при этом произнесла:

– Очень уж слабое наказание за такой проступок. Мы легко отделались.

Драмиррес подрезал дерн, попробовал почву на прочность, покачал головой:

– В грязи перемажемся, словно свиньи. Как по мне – не такое уж и слабое наказание, с детства ненавижу грязь.

Руки Троя еще гудели после щедрой порции интенсивных отжиманий, поэтому работа была не в радость. Но терпел и даже нашел время высказать свои подозрения:

– Не радуйтесь, что наказание не очень строгое. У них на уме что-то другое.

– Что? – хором произнесли несколько голосов.

– Не знаю. Но мысли нехорошие. Ночь, темно, болото. Наш светяк видно издали, и мы наказаны. Люди сэра Файерриса хорошо знают эти края. И знают, как сделать так, чтобы наказание не показалось легким. Подозреваю, что нас не просто так оставили без охраны и заставили отдать оружие.

– Мог свое и не отдавать, – буркнул Драмиррес. – Меч твой никто не сумеет забрать.

– Не сдать – это значит объявить себя бунтовщиком. А с такими у церкви особый разговор, и он короткий.

– Сложно это, – заметила Миллиндра. – Они могли нас убить прямо в школе, им бы ничего за это не было, сэр Файеррис тут почти бог.

– Им вовсе не нужна наша смерть, – уверенно возразил Трой. – Мы остались людьми после того, как нашу кровь запачкали пеплом, таких, как мы, они должны хоть немного ценить.

– Да мы так и так покойники, – возразил Драмиррес. – Не подохнем здесь, рано или поздно подохнем на землях Краймора. Мы для них уже не люди, мы даже жить на нормальной земле неспособны.

Трой не сдавался:

– Еще как способны, просто не в первое время. Они много на нас потратили, чтобы завезти так далеко. Далеко не все пережили плавание, им придется беречь оставшихся. Не знаю, какие у них на нас планы, но нам придется работать за себя и за тех, которые умерли в трюме. Что бы они сейчас для нас ни придумали, должен оставаться немаленький шанс добраться до ворот живыми, наша смерть не принесет никакой пользы, зато навредит церковникам. Так что просто копаем и ждем.

– Ты какой-то интересный... – протянул Драмиррес. – То умничаешь вовсю, то в бешенство приходишь в один миг. Никогда не думал, что бывают такие стертые. Обычно они туповатые и тихие, я и видел таких, и слышал о них. А ты и хитрый, и тупой одновременно.

– Если зайвится стая трессингов, я не стану умничать. Я буду бить их по башке лопатой,

как полагается тупому стертому.

– Я тоже. Мне не понравились рассказы сэра Транниллерса об их брачных периодах. И не понравилось то, как ловко они меня отделали на той пустоши. Спасибо, что живой ушел и ногу там не оставил, как некоторые. То, что сегодня говорил этот балабол Файеррис, мне тоже не понравилось. Ну их в северное пекло, этих тварей.

– Мало ты сегодня отжимался? – хмыкнула Миллиндра. – Многие согласятся, что сэр Файеррис балабол, но у него большие уши, может слышать даже здесь.

– Если вы не выдадите, он ничего не узнает. А вы точно не выдадите – вы те еще гады, но не доносчики.

– Но Трой, как настоящий командир, обязан о таком докладывать, – не унималась девушка.

– Наш Трой точно промолчит, а вы почти такие же психи, как он, раз помчались в драку вслед за ним.

– Тогда ты тоже псих, – заявил Айлеф. – Ты ведь тоже помчался.

– Не спорю, но я хотя бы сено не воровал.

– Вы достали уже меня с этим сеном! Все сено да сено, неужели больше не о чем поговорить?!

– Ну... Может, для разнообразия, начнем о соломе?

– Ты сволочь, Драм!

– Прости, Айлеф, но со своим сеном ты попал надолго, если не навсегда. Такое люди никогда не забудут, так что смирись.

– Как будто вас сюда просто так привезли.

– Нас всех за дело загребли, только командира непонятно за что. Трой, а тебе здесь не говорили, за что именно тебя отправили греться на Крайний Юг?

– Нет.

– Стирают самых опасных, – уверенно заявил Храннек. – Вон, даже Айлефа не стерли, а он мало того что кровавый убийца, так еще и сено воровал.

– Вот ведь достали... – обреченно вздохнул Айлеф.

– Значит, Трой убил не одного. А может, и что-то похуже сотворил. Видели ту белобрысую, у которой ноги почти такие же длинные, как ходули Миллиндры?

– Тарайра – моя землячка, – ответил Айлеф.

– Да? Не знал, за харборку ее принял. А вы ведь чем-то с ней похожи.

– Ее в раннем детстве перевезли в Харбор. У нас в Квальдельбеке почти все белобрысые, черноволосых маловато.

– Да? – удивился Драмиррес. – Интересные у вас места, хотелось бы когда-нибудь туда попасть. Люблю светленьких девчонок. И не я один. Эта Тарайра, до того как сюда попасть, была продажной девкой. Не такой, как наша Айриция, а настоящей, прожженной. И она с дружками тоже убивала своих клиентов. То есть она заманивала, а дружки убивали. По общей хартии смертная казнь разрешается лишь с девятнадцати для женщин и восемнадцати для мужчин, а ей одного дня до девятнадцати не хватило, повезло так повезло. На их счету три десятка доказанных убийств, но ее не стерли, а Троя стерли. У нее, конечно, особо нечего стирать, но важен сам принцип. Значит, Трой побольше, чем ее шайка, людей убил.

– А может, он некромантией занимался, – предположил Айлеф.

– Некромантией занимаются маги, а магов среди нас точно нет.

– Я умею зажечь костер пальцем и останавливать кровь поднесением ладони, –

откидывая в сторону очередную порцию торфа, произнесла Миллиндра.

– Ну ничего себе! – поразился Айлеф.

– Ты только сейчас это понял? Я ведь почти всех вас лечила с самого начала.

– Тогда почему тебя не забрали в маги? – с удивлением спросил Драмиррес.

– Со мной особая история... И вообще, дар у меня неразвивающийся. Какой толк от такой слабой магии? Я все равно что перегоревший маг, на серьезное дело не гожусь.

– Ну да, получается, что ты не настоящая магичка. Среди детей магов полно умеющих пальцами костер зажигать. И не только среди детей магов, такое у всех встречается. Даже светляк подвесить многие могут. Но на большее их уже не хватает, у них дар проявляется, но развиваться не может. А вот у некромантов он развивается. Их или убивают, или заставляют служить магическим гильдиям. Ну или на церковь работать – помогать отслеживать своих. Нет, наш Трой точно не из некромантов, их в рашмеры не посылают. Дальше торф совсем мокрый, может, пора заканчивать?

Трой, попробовав дно ямы лопатой, покачал головой:

– Воды еще нет.

– До утра натечет, тут ведь то еще болото, да и сверкает над морем, может разразиться гроза.

Айлеф тоже покачал головой:

– Драмиррес, так нельзя. Ты не знаешь, зачем нужна эта яма. Ее надо делать глубже, так приказано, за невыполнение могут наказать.

– А кстати, Трой, для чего мы это делаем? – Смуглолицый, спрашивая, прекратил копать. – В чем смысл этой ямы?

– Вы разве сами не догадались?

– А должны были?

– Это могила.

– Для кого? – приглушенным голосом спросил Хранек.

Трой указал на злосчастную крысу, подвешенную за хвост к шесту, на котором горел светляк:

– Приказано похоронить ее как следует.

– Шутишь, что ли?! – изумился Драмиррес.

– Никаких шуток.

– Тогда какого рожна мы роем такую ямищу? Хватит пару движений лопаты, чтобы засыпать эту хвостатую мелочь, мы ведь не корову хороним.

– Сэр Файеррис не тот человек, которого можно обманывать безнаказанно, – проговорил Трой. – Если мы не выроем яму так, как нам велели, следующей ночью для нас придумают другую работу. Уж в этом не сомневайтесь.

– И как же он узнает? По могильному холму?

– Зарывать крысу нам не приказывали, этим займутся другие проштрафившиеся.

– Кто?

– Не сомневайся, в школе их найдут быстро, и хорошо, если это окажемся не мы. Утром кто-то проверит глубину и доложит сэру Файеррису. Так что давайте все сделаем как надо, чтобы он не смог ни к чему придраться.

– Я им в землекопы не нанимался, – буркнул Драмиррес.

Трой, загнав в торф лопату, согласился:

– Я тоже, но здесь нам деваться некуда. Придется обыгрывать их в чем-нибудь другом.

– Ну да, конечно, их обыграешь. Спасибо Бвонгу, хоть он порадовал.

– За что мне спасибо? – спросил толстяк.

– За то, что кинул в рожу нашего командира крысу, а не дохлого коня. Для него мы бы копали могилу недели две.

По болоту прокатился кошмарный звук – душераздирающий клекот, перемежаемый утробными завываниями. Все замерли, тревожно переглянулись. Драмиррес прокомментировал неведомый шум нервным смешком и с плохо скрываемыми нотками опасения произнес:

– Похоже, у трессингов брачный сезон и прямо сейчас кто-то из них влюбился в олухов, которые посреди ночи копают яму на болоте.

– Это никакие не трессинги, – возразил Трой. – Трессинги так не орали, и вообще они обычно помалкивали.

– Ну так в брачный сезон у них все иначе, разве не помнишь, что рассказывал сэр Транниллерс.

– Такое он не рассказывал.

– Бежим? – то ли спросил, то ли предложил Айлеф. – До школы недалеко.

– Никто никуда не бежит, – заявил Трой. – Это не трессинги.

– Почему ты так уверен в этом? – без намека на страх или волнение спросила Миллиндра.

– Потому что трессинги убивают людей, а наша смерть сэру Файеррису не нужна.

– Это и правда не трессинги, – согласилась девушка. – Мой отец много путешествовал, он говорил, что на болотах, которые далеко на юге, водятся жабы размером с небольшую собаку. Ночами они кричат так, что даже самый смелый человек может поседеть. Но сами они безобиднее цыплят. Он даже пытался изобразить их крики.

– Я, кажется, понял, в чем дело, – усмехнулся Трой. – Хитро придумано.

– Ты о чем? – не понял Драмиррес.

– Все мы – заноза кое-где у сэра Файерриса. Таких, как мы, неплохо бы обломать как можно быстрее и унижительнее. Для этого и заставили копать посреди ночи. Если Миллиндра права, гигантские жабы обитают в этой части болот и только-только начинают пробовать голос. Дальше они запоют по-настоящему, мы должны перепугаться и побежать назад, чтобы колотить в ворота школы и просить нас впустить. А утром всем расскажут, что мы жалкие трусы, боимся каких-то бородавчатых лягушек. После такого нас на смех поднимут.

– На смех поднимут, если ты ошибся и сейчас из темноты выйдет зубастое чудовище размером с крепостную башню, – пробурчал Драмиррес.

– Тебя никто здесь не держит, так что можешь мчаться к школе и колотить в ворота. А я буду копать яму. Сэр Файеррис сильно во мне ошибся, бегать от жаб точно не стану.

– За смешного слабака меня удержишь? Да я выкопаю эту яму ниже воды, и пусть даже все чудища этого проклятого острова выстроятся вокруг нас в три круга.

Северянин вдвое старательнее заработал лопатой и даже начал насвистывать какую-то легкомысленную мелодию. Уловив мотив, его подхватил Айлеф, а потом и Бвонг присоединился. Сбивался с ритма, не попадал, но старался.

Миллиндра, пытаясь работать так же старательно, как все, покачала головой:

– Бвонг, у тебя совсем нет музыкального вкуса. А еще вы все сумасшедшие.

– А сама-то кто? – с насмешкой поинтересовался Драмиррес.

– Такая же, как вы.

– Вот то-то, Веснушка. Мы все психи, это мне в нас и нравится. У кого-нибудь найдется кусок мела или угля?

– Зачем? – удивился Храннек.

– Хочу написать на боку крысы «командир Гнадобис».

– За такое нас опять накажут, ведь хоронить будут другие.

– Но согласитесь, что дело того стоит.

* * *

Яма углублялась, из-за этого выбрасывать торф становилось все труднее и труднее, к тому же чем ниже, тем он тяжелее из-за влаги, до которой, похоже, осталось совсем чуть-чуть. Со всех сторон доносились душераздирающие завывания, на них больше не обращали внимания. Будь это и впрямь монстры, они бы давно разорвали в клочья семерку копателей. После такой какофонии и без слов Миллиндры понятно, что источниками кошмарных звуков являются вовсе не чудовища, ведь такому количеству монстров не прокормиться на столь скудной земле. Да и где бы они смогли все спрятаться при свете дня? Это кто-то безобидный и вездесущий, так почему бы и не жабы? На болотах им выгодно: множество мошек и комаров, от которых можно спастись только поблизости от магического светляка, который отпугивал мелкую пакость. В любое время года здесь сыро. Райское местечко для земноводных.

Между тем вспышки, которые поначалу сверкали далеко над морем, заметно приблизились и усилились. К тому же в природе нарастало напряжение, ощущалось, что сильная гроза неизбежна. Если задержатся, не будет нужды копать до воды, она сверху зальет свежую яму, и пусть потом кто-нибудь попробует доказать, что четверка наказанных схалтурила.

– У меня уже под лопатой хлюпает, – устало произнес Драмиррес. – Давайте поднажмем, совсем немного осталось.

– Ага, – произнес Айлеф. – Так спать охота, что мочи нет.

– Я уже здесь завалиться готов. Особенно если Айриция бочок погрееет.

– Трессинги тебе бочок погреют, – без малейшей паузы отозвалась белобрысая здоровячка.

– Злая ты.

– Пожалуйся на меня Тарайре, может, и пожалеет. Тем более тебе беленькие нравятся.

– Только смотри, чтобы не стал ее тридцать первым клиентом, – предупредил Бвонг.

– А чего это ты за меня беспокоишься?

– Кто сказал, что я беспокоюсь за тебя? Я о себе думаю.

– Это как?

– А очень просто – если мы ради крысы копаем такую ямину, то страшно представить, сколько придется рыть радидохлого клоуна.

Айлеф, воткнув лопату в холм вывороченного торфа, замер, поднес ладонь к уху, после чего тихо спросил:

– Вы ничего не слышали?

– Слышу, как бурчит у меня в животе, – буркнул Драмиррес. – Мы несколько месяцев

просидели в ящиках, потом не знаю как долго питались сырыми устрицами и крабами, а здесь нас кормят мало, да и то вонючей рыбной баландой. И я слышал, что этой бурдой кормить будут и завтра. Вроде как варится она специально для новеньких, другое опасно для брюха начинающих рашмеров. Ерунда полная, мое брюхо что угодно переварит, на отмелях Чечевицы уплетал все подряд за милую душу.

– Помолчи, Драмиррес, – с нажимом попросил Трой, тоже прекратив копать. – И лопатами не гремите, постойте тихонечко. – Вслушиваясь во мрак, кивнул: – Да, Айлеф, я тоже слышу.

– Рядом кто-то ходит, шлепает по воде, – добавила Миллиндра.

Слабый магический источник мог осветить окрестность на несколько шагов вокруг себя и прогнать из нее кровососущих насекомых. Но дальше он бессилён, так что рядом во тьме могут скрываться огромные чудовища, и ты не сумеешь их разглядеть.

– Вроде бы двое, – предположил Драмиррес. – Или больше. Как-то очень уж быстро ногами перебирают, так совсем мелкие дети ходят.

– Может, просто взрослые бегут? – предположил Айлеф.

– Взрослые бегают не так. Совсем другие шаги.

– Откуда ты знаешь?

– Я наблюдательный, я все примечаю.

– Как можно отличать одни шаги от других?

– Ну ты ведь, наверное, плохое сено от хорошего отличал? Вот так и у меня с шагами.

– Да когда ты уже отстанешь с этим сеном?!

Трой, ухватившись за лопату, которую до этого вонзил в дно неровного раскопа, вывернул кусок торфа и увидел, что ямка начала быстро заполняться водой.

– Все, на дне вода стоит, можно считать, что докопались, хватит спины рвать. Уходим, мне не нравятся эти непонятные шаги, это вряд ли жабы носятся. Айлеф, ты иди впереди, за тобой Миллиндра со светляком и Айриция, а за ними все остальные. Держите лопаты наготове, кто бы ни выскочил из темноты, не позволяйте ему добраться до Миллиндры.

– Я умею за себя постоять!

– Верю, но твое дело – светляк. Без света нам туго придется.

Со стороны моря сверкнуло сильнее прежнего, на миг осветив округу. Трой успел увидеть унылую поросшую болотистой растительностью равнину, там и сям отражающую блеск молнии зеркальцами многочисленных луж и озер.

И еще кое-что успел заметить. Две тощие фигурки с неправдоподобно длинными руками, болтающимися до уродливо вывернутых колен. Слишком краток был миг, да и на фоне тростника разглядеть детали трудновато, но увиденного вполне хватило, чтобы понять главное – если это не привиделось, к ним приближаются кто угодно, но только не люди.

– Быстрее! – напряженно произнес Трой.

– Ты что-то увидел?! – не оборачиваясь, с испугом спросила Айриция.

– А сама-то как думаешь?!

– И кто там?!

– Не знаю, но их двое, и это вряд ли люди. Похожи на трессингов, но не уверен. Не вздумайте только бежать, ноги на кочках переломаете. Просто уходим быстрым шагом.

Шлепки пугающих шагов за спиной стихли – неведомые преследователи добрались до сухого участка. Именно на нем проштрафившаяся семерка выкопала злосчастную яму. Теперь не понять, как велик разрыв, увидеть ничего невозможно, слух не помогает. Это нервировало

еще больше, приходилось прилагать усилия, чтобы не наращивать темп, не ускоряться до состояния, при котором волей-неволей побежишь сломя голову. Болото лишь со стороны кажется ровным, кочек и коварных ямок хватает, они даже днем представляют проблему, а при тусклом дергающемся свете шарика, который закреплен на кончике шеста в руках быстро шагающей Миллиндры, очень трудно замечать такие ловушки.

Выбрались с сухого островка, под ногами то и дело начала хлюпать вода. Эту часть болота люди сэра Файерриса не считали опасной, здесь не надо было придерживаться троп, отмеченных вешками, и не приходится ходить с шестами-слегами. Хотя это хорошо, руки и без того заняты лопатами.

За спиной вновь слышались шлепки, преследователи тоже добрались до низменного участка. Похоже, они совсем близко, разрыв не больше полусотни шагов. Значит, они двигаются быстрее, чем люди, и до ворот не успеть, придется встречать неведомую опасность вдали от стен.

– Всем стоп!

– Ты чего?! – удивился Драмиррес. – Они же совсем рядом!

– Так и есть, но нам не оторваться. Переведите дух, похоже, придется подраться.

– Драться с какими-нибудь пепельниками деревянными лопатами?!

– Другого оружия у нас нет.

– Скоты! Первый раз влезаю в такую драку даже без ножа!

– Миллиндра, стой за нами. Очень нужен твой свет.

– Пусть лучше Айлеф стоит позади, я вам нужнее!

– Менять на тебя парня, который убивает человека одним ударом из-за паршивого стога сена?! Да ни за что! – произнес Драмиррес и нервно рассмеялся.

Вновь сверкнула близкая молния, Трой успел увидеть, что преследователи и правда близко. Опасно близко. Внешне похожи на борзых собак, вставших зачем-то на задние лапы: конечности длинные и тонкие, тело поджарое, морды вытянутые. Чем-то неуловимо напоминают встреченных у Чечевицы трессингов, но в то же время другие. Ростом твари повыше невысокой Миллиндры, но вроде бы чуть уступают Трою. Так что противник серьезный.

А что это именно противник, Трой убедился после новой молнии. Животные не настолько любопытны, чтобы мчаться за кем-то по болоту ради пустого интереса. Да и передние конечности вроде бы заканчиваются набором внушительных когтей, травоядным такое украшение ни к чему. И правда очень похожи на трессингов, но форма головы иная, да и более поджарые. Скорее всего – одна из многочисленных разновидностей этих уродцев, а они все опасные.

– Как же хреново без ножа, – процедил Драмиррес, замахиваясь лопатой, будто копьем.

Первая тварь выскочила из мрака и, омерзительно визжа, прыгнула прямо на Троя, вскинув когтистые лапы для удара. Тот не успел ничего сделать, но лопата Драмирреса ужалила ее точно в шею, визг мгновенно оборвался, сменившись бульканьем, болотный монстр упал в лужу и начал омерзительно хрипеть, обхватив себя за пострадавшее горло.

Трой будто медом обмазан, как по-другому объяснить, что и второй преследователь из всей семерки выбрал именно его. Встретил тварь в прыжке, но не так, как это сделал Драмиррес, то есть не выпадом лопаты. Просто шагнул в сторону, одновременно нанося удар с замаха. Врезал по верхней правой лапе, что изменило траекторию движения твари. Пролетев мимо, гадина прокатилась по мокрой земле, ловко вскочила, чтобы тут же

вынужденно присесть – Айлеф врезал ей сверху вниз по голове с такой силой, что его лопата с треском сломалась. Но здоровяка это не остановило, он замахнулся обломком и ударил, как бьют копьем.

Врезал сильно, иначе он, судя по всему, бить не умеет. Остро обломанный черенок пронзил грудь твари насквозь. На дальнейшее Трой уже не отвлекался, в паре с Драмирресом начал молотить первую тварь, не позволяя ей прийти в себя. Гади́на оказалась живучей, шипела и размахивала длинными руками, пытаясь достать до истязателей когтями. Но лопаты были длиннее, ничего у нее не выходило.

Кончилось все тем, что Трой, обойдя избиваемого монстра с другой стороны, удачно врезал ему по уху, а потом еще раз и еще, до треска костей. Тварь задергалась, захрипела, поползла было дальше, выворачивая когтями комья торфа. Драмиррес, примерившись, метко врезал по затылку:

– Да подохни уже! Живучая, будто кошка!

– Оставь, – почти спокойно произнес Трой. – Это уже агония. Айлеф, где вторая?

– Убежала, – виновато отозвался здоровяк.

– Убежала?! – поразился Драмиррес. – Я же видел, как ты ее насквозь проткнул черенком! Как же она могла убежать после такого?!

– Да я и сам не знаю. Просто вскочила и убежала. Что мне было дальше делать? Носиться за ней по всему болоту?

– А ты не мог ее прибить с одного удара?! Или без сена у тебя сила пропадает?!

– Да заткнись уже с этим сеном!

– Тихо! – крикнул Трой. – Заткнулись оба! Одна тварь ушла и может вернуться с подмогой. Надо быстро уходить, а не пререкаться.

– Ну так пошли, – мгновенно согласился Айлеф.

– Не так быстро. Помогите, я один эту дохлятину не дотащу.

– Куда ты ее собрался тащить? – удивилась Миллиндра.

– Как только откроются ворота, отдам стражникам. Скажу, что добыл ее специально для сэра Файерриса, потому что очень сильно его уважаю. Пусть съест на завтрак и не забудет выделить кусочек командиру Гнадобису.

– Вы только посмотрите на эту тварь, – ухмыльнулся Драмиррес. – Она такая страшная, что ее даже голодные псы жрать не станут.

– Уж поверь, я как следует на нее посмотрел, иначе бы не стал такое уродство тащить в школу. Пусть начальник порадует.

– Сэру Файеррису это угощение вряд ли понравится.

– Так я этого и добиваюсь. Да помогайте уже, не бойтесь. Вы тут ни при чем, я сам скажу стражникам, накажут только меня.

– Ну уж нет, – Драмиррес покачал головой. – Ради такого я готов отжаться двести раз, а то и все триста. А если сэр Файеррис вместе с Гнадобисом сожрет эту пададь, так можно упираться в землю кулаками с утра до вечера.

– Как знаешь. Давай, Драмиррес, ты слева, я справа за передние лапы. Айлеф, возьми наши лопаты. И быстрее, вот-вот начнется дождь.

Глава 5. Урок от Гнадобиса

Трой дико не выспался, как было и в прошлую ночь. Но если вчера мешали разнообразные мысли, сегодня просто не хватило времени. Что неудивительно, ведь пришлось копать могилу для крысы, причем, судя по размеру могилы, – крыса габаритами не уступала взрослому быку. Еще и нервы себе помотал, поначалу выслушивая концерт неведомых болотных созданий, затем сражаясь с парочкой тварей, похожих на удивительно шумных трессингов с мелковатыми головами.

Заснул после всего этого, едва коснулся головой обитой войлоком чурки, которая служила подушкой. Но слишком мало времени оставалось, не успел восстановиться.

Однако при всем этом выскочил из казармы далеко не последним и порадовался за товарищей, ведь никто из них не попал в несчастливую парочку.

И за Тиркрита порадовался, глаз у того заплыл заметнее, чем у Троя. К тому же у рашмера такой пустяк до завтра рассосется, а этому гаду придется «красоваться» не один день. Верзила поглядывал косо, но никак не выделял обидчиков.

Ну, это до поры – дай только шанс, допусти хоть малейший промах.

После того как парочка последних вышедших отжалась положенное количество раз, Дранг погнал народ на традиционную пробежку вокруг школы. Напарник не появлялся, должно быть, ему здорово досталось, после такой взбучки не до физических упражнений.

Бег пошел Трою на пользу. Он, конечно, вымотался при этом, но голова очистилась от сонных позывов, стал мыслить относительно нормально. И даже без ошибки занял свое место на плацу, а ведь в первый раз сместился на одну позицию, не разобрался с ходом, веки слипались.

Сэр Файеррис прошелся перед строем и затянул одну из своих монотонных речей:

– Ученики Трой, Айлеф, Драмйррес, Бвонг, Храннек, Айриция и Миллиндра ночью выполняли важное задание школы и при этом подверглись нападению болотных трессингов. Это были молодые и глупые самцы, их статус не позволял жить в стае. Но они все равно опасны, и эта семерка должна была отступить заранее, не доводя дело до рискованной схватки. Но они не стали это делать, тем самым подвергнув свои жизни неоправданному риску, о чем я уже указывал некоторым из них. То есть налицо рецидив. Кто-то считает, что они имеют право распоряжаться своими жизнями, как им заблагорассудится? Есть такие? Поясню еще раз – жизни этих преступников всецело принадлежат церкви, и получается, они покусились на ее имущество, а это неуважительно и в корне неправильно. Подобное не может обойтись без наказания, и поэтому каждый из них сейчас отожмется от камней сто раз. Включая девушек.

Еще несколько дней, и Трой или полюбит нескончаемые отжимания, или загнется от их изобилия.

Сэр Файеррис, придумав очередной повод обвинить группу зазнавшихся, по его мнению, учеников в неуважении к церковному имуществу, не стал себе изменять и на этот раз:

– А теперь вы хором произнесете уже хорошо знакомые вам слова: «Я, ученик школы Хольдеманг, вверил свою жизнь Церкви Святого Круга. Прошу прощения за то, что подверг угрозе церковное имущество». Слово в слово, дружно и без заминок, как вы это уже делали. Итак, начали.

– Я, ученик школы Хольдеманг, вверил свою жизнь Церкви Святого Круга. Прошу

прощения за то, что подверг угрозе церковное имущество, – вместе со всеми произнес Трой и, мысленно вздохнув в ожидании неизбежной расплаты, добавил: – Сэр Файеррис, надеюсь, жаркое из болотного трессинга вам понравилось. Ведь мы рисковали своими жизнями, чтобы добыть его для вас и для нашего командира.

– Ученик Трой! Еще сто отжиманий! Нет, двести! Тиркрит! Проследить, чтобы отжимался как следует и без заминок!

* * *

– Тебе это в рожу вылить?! – угрожающе произнес Бвонг в лицо раздатчику, опасно замахиваясь увесистой деревянной миской.

– А что не так?! – испуганно вскинулся толстый коротышка с бегаящими глазками.

– А то, что в этой буре даже нитки от мяса не сыскать, и такое гадство я вижу уже второй день. Я тебе что, воробей с дерева, чтобы такое клевать?

– Ученики едят мясо, только когда в Хольдеманге убивают кита. Его хватает надолго. В остальные дни у нас только рыба и овощи.

– И долго нам еще ждать этого кита?!

– Откуда мне знать? Это от китобоев зависит и от того, подойдет или нет стадо к берегу.

– Да я на необитаемом острове лучше питался!

Раздатчик пожал плечами:

– У нас тоже мяса нет. В школе держат только несколько лошадей, в Хольдеманге нет ни коров, ни овец. Только курицы, но их мало, для яиц держат, на сторону почти не продают. Да и много вам чести – курятиной кормить.

Вчерашний ужин Трою не понравился: разваренная рыба, костлявая и водянистая, да редкие зерна непонятной крупы на дне миски. Сегодня, похоже, меню не особо отличалось, но он опустошил глубокую миску, не успев почувствовать вкус. И чего только Бвонг недоволен? На Троя свалилось столько, что вот-вот начнет шататься при каждом шаге. Вымотался так, что ведро пота потерял. Ноет каждая жилка, каждая мышца, каждый хрящик в вывернутых от изуверских гимнастических упражнений суставах. И хотя на дворе вечер, ученикам приказано поесть быстро. То есть для них припасено еще что-то, и вряд ли им это понравится.

Еще немного таких нагрузок, и Трой свалится, как та черненькая девчонка, которая упала в обморок на третьем за день забеге вокруг стен школы. Странное дело, ведь она на вид гораздо крепче Миллиндры, но почему-то быстро расклеилась. Внешность и впрямь нередко бывает обманчивой.

Бвонг, неряшливо чавкая, пробубнил с набитым ртом:

– Гнойного червяка с нами почему-то нет.

Пусть имя и не назвал, но никто не стал переспрашивать – кого он имеет в виду. Разумеется, Гнадобиса, к командиру учеников у Бвонга особое отношение еще с тех пор, когда он впервые услышал о его прегрешениях.

– Он кормится отдельно от всех, – ответил на это Храннек. – Где-то в главной башне у него своя комната, туда и приносят.

– Откуда знаешь?

– Ребята слышали от церковников. Вроде бы сэр Файеррис отвечает за Гнадобиса

головой и боится, что если поселить его со всеми, добром это не закончится.

– Да сэр Файеррис просто гений, наверное, долго над этим думал, прежде чем догадался, что этого упыря здесь никто не любит.

– А еще сегодня тебя, а может, и всех нас будут обламывать.

– Это как?

– Не знаю. Вроде бы обставят дело так, что Гнадобис круче всех нас. И это он докажет без Тиркрита и остальных. То есть сам, без помощников. Говорят, ему надо срочно поднимать авторитет, вот и придумали для этого что-то непонятное.

Бвонг рассмеялся со все еще набитым ртом, обрызгав сидящих напротив Драмирреса и Айрицию.

– Ты совсем спятил?! – воскликнула девушка.

– Спятил, но не я. Слышали эту смешную шутку? Гнадобис, оказывается, круче нас! Да я сейчас лопну от смеха!

– Не торопись смеяться, – мрачно произнес Трой.

– Это почему?

– Потому что, если сказанное Храннеком – правда, жди неприятностей. Гнадобис не из тех, кто мечтает с разбегу сесть в грязную лужу, значит, на этот счет у него что-то припасено.

– Ну если нас поставят соревноваться в том, что эта тварь сумеет завизжать получше всякой девчонки, тогда да, тогда Гнадобис всем докажет, что здесь круче его никого нет. Но не уверен, что такое достижение прибавит ему авторитета.

Бвонг снова захохотал, а Трой даже не улыбнулся.

* * *

У нового командира и на самом деле было кое-что припасено, и свою сильную сторону он решил выставить с максимальной эффектностью. То есть не топорно, в лоб и сразу, а как бы случайно, в ходе обычных занятий, где ничто не предвещало неприятности.

Все случилось на лекции, которая проводилась на том же открытом ветрам и дождям плацу. При этом, как было и во время бесед сэра Транниллерса, ученики расселись в выворачивающих суставы позах, то есть совмещали нагрузку на тело и мозг.

Вот только преподобному Примусу до сэра Транниллерса далеко. Слишком нудный голос, говорит без выражения, будто давно заученный скучный текст читает. Слова местами интересные, но рассказчик не очень. Однако Трой из всех сил пытался вникать во все до последней мелочи, он хорошо запомнил, что информация – это жизнь.

К тому же никто не понимает это лучше человека со стертой памятью.

– Ледяной паук назван так не из-за внешнего вида, ведь он больше похож на мохнатого лемура, чем на насекомое. Но тоже плетет паутину. Только она у него магическая – тончайшие нити чистой силы. Свои засады он устраивает весьма просто, протягивая в удобных местах одну-другую нить и устраиваясь неподалеку так, чтобы его трудно было заметить. Нить магической природы настолько тонкая, что разрывает связи между простейшими частицами, из которых состоит все сущее. Если ударить по нити палкой, в руке останется обрубок, и вы даже не заметите момента соприкосновения. Очень похоже на ту технологию, когда магией режут бревна на идеально ровные доски, но этот инструмент куда острее. Задев нить рукой, вы поначалу даже не почувствуете, что остались без кисти. Просто

ваша конечность внезапно станет легче. Разрез такой чистый, что металлический брусок, через который он пройдет, превратится в два прекрасно отполированных зеркала. Ледяного паука пытались неоднократно дрессировать, чтобы ставил нити там, где нужно для работы. Но пока безуспешно. Так что не носитесь сломя голову там, где встретите следы этого существа. Даже брошенная хозяином нить не исчезает сразу, она может продержаться десятки часов. Пройдя по тропе, через которую они протянуты, вы внезапно, безо всякой причины, упадете – именно так будет выглядеть с вашей стороны то, что ваше тело рассекло на две части на уровне пупка. А может, и на других уровнях разделает. Попавших под нити спасают редко, в том числе и рашмеров. Слишком опасные раны, даже если не поврежден жизненно важный орган, смерть наступает очень быстро из-за обширного кровотечения.

– Я могу вас прервать? – спросил подошедший сэр Файеррис.

– Разумеется, ведь вы здесь главный, – вежливо ответил преподобный.

– Завершите свой рассказ о ледяном пауке и дайте мне знать.

– Он уже завершен, я просто пытался донести до них мысль, что это крайне опасное существо, несмотря на то что выглядит безобиднее прочих.

– В таком случае вынужден попросить продолжить вашу лекцию позже. Ученики достаточно отдохнули, пора бы их слегка погонять, а заодно и развлечь.

Тиркрит, приблизившись, с грохотом высыпал на брусчатку охапку обструганных палок, похожих на грубое подобие мечей, – выделялись небрежно вырезанные рукояти и уплощенные клинки.

– Командир Гнадобис, – произнес сэр Файеррис, не забыв при этом едва заметно скривиться, – подойдите ко мне.

Трою даже стало немного жаль главного. Презирает нового командира, как никого другого, но вынужден его во всем поддерживать, ведь над рыцарем своего начальства полно, и оно, должно быть, сумело как следует на него надавить, раз не позволяет себе открыто ничего лишнего.

Гнадобис приблизился, ровным тоном произнес:

– Я к вашим услугам, сэр Файеррис.

– Пойдите минутку, я кое-что объясню этим тупицам, а затем вы им покажете пару приемов из своего арсенала.

– Как прикажете.

– Вы рашмеры лишь на словах, а на деле презренный сброд, который еще вчера убивал, насиловал, воровал и грабил. Церковь отбирает для Крайнего Юга лучших из преступников, но от этого они не перестают оставаться отбросами общества. У вас свои звериные повадки, свои гнусные мысли. Почти каждый считает себя круче других, и все это за счет того, что когда-то кого-то пырнул ножом или врезал исподтишка кастетом. Когда вы попадете на отравленные земли, вас не спасет ни бандитский нож, ни кастет. Вам понадобится настоящее оружие. Но оружие в никчемных руках – ничто. Вы должны обучиться обращению с ним. Уже знаю, что многие считают это лишним. Ну как же, в подворотнях какой-нибудь занюханной дыры их считали весьма опасными. Только твари Краймора так считать не будут, и после встречи с ними вы проживете недолго, если не выбросите подобную дурь из головы. А практика показывает, что выбрасываете вы ее неохотно. Итак, перед вами один из таких же учеников, как вы, – Гнадобис. Сейчас он возьмет учебный меч, и любой из вас сможет сделать то же самое, вступив в бой против командира. Вы перед всеми продемонстрируете, на что способны. То есть то, что ни на что не способны. Почему так? Потому что вы все до

единого – никчемные малолетние преступники, слишком много о себе возомнившие. А некоторые даже чудовищно много возомнили, я удивлен тому, что с таким неподъемным самомнением они ухитряются удерживаться на ногах. Итак, есть желающие показать, на что они способны?

– Да это просто сказка! – осклабился Бвонг, поднимаясь. – Я желаю! Я очень даже желаю!

– Куда ты, жирный?! Я первый! – воскликнул вскакивающий Драмиррес.

– Уймись, черный дуралей, все клоуны занимают очередь после меня.

– Прекратили разговорчики! – рявкнул сэр Файеррис. – Можете подбадривать бойцов негромкими криками, но не устраивайте болтовню, вы не белошвейки за рукодельем. И внимательно смотрите за боем, ничего не пропускайте, делайте правильные выводы. Последнее сказано для тех, кто сохранил мозг от разрушения дешевыми наркотиками и таким же никчемным алкоголем. Бвонг, выбери учебный меч.

– Сэр Файеррис, они все хлипковатые для меня. Нельзя ли вместо них взять оглоблю?

По рядам учеников прошли смешки, а кто-то даже заржал, как последний идиот. Рыцарь покачал головой:

– Никто не пошлет тебя бродить по пустошам с оглоблей, так что начинай привыкать к нормальному оружию.

– Вообще-то я уже начал привыкать к топору. Сэр Транниллерс показал мне пару занятных приемов с ним. Но вообще-то мне все равно, чем изувечить этого хлыща, так что возьму я вот эту дубину, она вроде побольше других.

Бвонг, наклонившись, поднял один из учебных мечей, пару раз с силой взмахнул им, заставив загудеть рассекаемый воздух:

– Ну что, Гнадобис, ты готов к страданиям?

Командир рашмеров молча крутанул своим мечом, принял необычную стойку, где оружие смотрит на противника и его при этом держат запрокинутые над головой ладони, вывернутые в обратную сторону. Глядя, как к Гнадобису приближается Бвонг, от души продолжая размахивать перед собой деревяшкой, Трой ощутил укол острого беспокойства. Что-то скрытое в недоступных тайниках разума подсказывало, что беспечный толстяк сейчас не на шутку огребет.

Так и оказалось.

Бвонг, торжествующе завопив, подскочил к ненавистному командиру, со всей дури опуская меч на его голову. Тот, не дрогнув, стоял до последнего мгновения и вдруг выскользнул, как показалось, чудом, ловко при этом крутанувшись на пятке. При этом руки его извернулись в другую сторону, придав оружию такое ускорение, что деревянный клинок размазался в пространстве, материализовавшись чуть выше локтя Бвонга.

Стукнуло так, что Троя передернуло. Всего лишь рука, но удар пришелся по бицепсу. Эта мышца не из маленьких и потому является хорошей целью в тех случаях, когда ее не прикрывает кость или доспех. Не надо ее подставлять, это очень больно, и рука становится менее боеспособной.

По Бвонгу такое не скажешь, с ревом замахнулся еще раз, но ударить не успел, меч Гнадобиса оказался быстрее, дотянувшись кончиком до его пальцев.

Это было уже больнее, оружие выпало, покатилося по камням, здоровяк отскочил, тряся окровавленной ладонью, – рассекло на совесть. Но сдаваться не собирался, пригнулся, злобно косясь на Гнадобиса и что-то неслышно шепча ему в лицо. А тот лишь презрительно

улыбался и не пытался ему помешать.

Дождлся, когда Бвонг с яростным криком ринулся в новую атаку, легко уклонился, стукнул по пальцам еще раз и почти сразу, ловко переведя меч в другую плоскость, снизу вверх заехал в пах.

Трой чуть рот не разинул – прием замысловатый, сложный в исполнении и удался на загляденье. Правда, нельзя не признать, что сработает такая красота только против совсем уж неискушенных в фехтовании противников.

Вот тут Бвонга скрутило по-настоящему. Вновь выронил оружие, присел, придерживая обеими ладонями зашибленное место. Гнадобис, шагнув вперед, ударил ногой в лицо, заставив здоровяка завалиться на спину, после чего визгливо завопил, взмахнул мечом, будто намереваясь со всей дури добавить беспомощному противнику сверху вниз. Остановив оружие в последний миг, громко произнес:

– Этот пузырь с жиром так беспомощен, что мне надоело его избивать. Сэр Файеррис, с Бвонга достаточно или сделать из него отбивную? Наши ученики, я слышал, соскучились по мясу.

Рыцарь покачал головой:

– Достаточно. Тиркрит, возьми кого-нибудь и оттащите это придурка к колодцу, ему сейчас не мешает обливание холодной водой. Итак, что вы увидели? Бвонг в два раза больше своего противника, но он просто шваль, отиравшаяся при рыночных рядах, а Гнадобис, при всех своих недостатках, потомственный дворянин, отец которого позаботился нанять ему учителя ингабанской школы фехтования на мечах. Скажу вам, что это весьма и весьма полезная школа для тех, кто связал свою судьбу с Крайним Югом. Одинаково удобно и в схватке с вооруженным противником, и в охоте на неразумную дичь. Атаки сильные, молниеносны, непредсказуемы, и удары приходятся точно в уязвимые места, быстро выводя вашего врага из строя. Ингабанцы много времени уделяют изучению анатомии и приемам, способным разогнать меч из неподвижного положения в кратчайшие сроки. Стилль ускользящего кнута – вершина этой школы. Гнадобис до нее пока не добрался, но, как видите, даже полученных знаний более чем достаточно, чтобы выбить дурь из сильно о себе возомнившей горы беспомощного мяса. Кто-нибудь еще хочет что-то доказать? Остались недоумки вроде Бвонга или готовы начать учиться правильному бою?

– Драмиррес, сидеть, – жестко приказал Трой, поднимаясь. – Я, пожалуй, попробую. Один бой – слишком мало. К тому же он был недолгим, ученики толком не успели ничего разглядеть, надо это исправить.

– Этот бой будет еще короче, – насмешливо произнес Гнадобис.

– Я тоже так думаю, – спокойно ответил на это Трой. – Но это все же лучше, чем ничего.

Проходя мимо сэра Файерриса, услышал, как тот тихо предупреждает:

– Не искалечь его.

Увы, предупреждение адресовалось Гнадобису, в победу Троя рыцарь церкви не верил.

Откровенно говоря, Трой тоже не очень-то в нее верил. Но твердо намеревался продержаться дольше Бвонга и уйти не так позорно. Надо хоть чуть-чуть приглушить торжествующее выражение на мерзкой физиономии Гнадобиса.

Сэр Транниллерс говорил, что Троя явно обучали фехтованию, но так и не смог определить – к какой именно школе принадлежали учителя. Сам Трой ничего по этому поводу сказать не мог, что естественно для человека с уничтоженной памятью.

Но какие-то навыки у него сохранились, тело их не забыло. Плюс неплохая реакция,

плюс он подметил, что противник наиболее быстр в боковых атаках наискось, то есть понимает, чего именно следует опасаться в первую очередь.

Он должен продержаться дольше Бвонга. А может, и дотянется до гаденыша пару раз. Хорошо бы при этом кровь пустить хоть чуть-чуть.

Надо постараться отомстить за обидно поколоченного товарища.

Трой, присев, вдумчиво перебрал все учебные мечи, выбрав самый легкий и при этом нехлипкий на вид. Поднялся, крутанул в ладони, приспособиваясь к непривычному центру тяжести. Этому оружию не помешал бы залитый в рукоять свинец.

Откуда вообще появилась мысль про свинец? Причем столь четкая, что нет сомнений – не миг назад придумал, всплыла из уцелевших глубин искаленной памяти.

Гнадобис, неверно истолковав его раздумья, с издевательским участием произнес:

– Да, Трой, это не твой волшебный меч, но ты ведь все равно нам что-нибудь сумеешь показать, не так ли? Главное, не уйди так же быстро, как Бвонг, это будет самая скучная пара боев в моей жизни. Давай уже, начинай и не вздумай так же смешно опозориться.

Трой еще раз крутанул мечом, развернулся боком к противнику, развел ноги пошире, чуть согнув в коленях, направил на Гнадобиса оружие, держа его одной чуть опущенной рукой, вывернув при этом кисть ладонью вверх. Откуда к нему пришло знание этой стойки, он не представлял, к тому же здесь ее не считали удачной. Но критику со стороны сэра Транниллера в свое время он не воспринял. Ему так удобно, пусть и не во всех ситуациях.

С этим мерзавцем – в самый раз.

Гнадобис крутанул меч в одну сторону, затем в другую, принял в итоге любимую стойку, нацелив высоко занесенное острие в лицо ненавистного десятника. А тот застыл на месте, не шелохнувшись, поглядывая сквозь противника, так удобнее следить за движениями всех его конечностей. Для кого-то такой метод наблюдения покажется неэффективным и в высшей степени странным, но только не для Троя, иначе он себе фехтование не представлял.

Тянулись секунда за секундой, но ничего не происходило, ни один из противников не пытался атаковать. Гнадобису это начало надоедать, он ведь так эффектно работал на контратаках против Бвонга, видимо, хотел повторить в том же духе, к хорошему привыкаешь быстро.

– Трой, ну ты чего? Боишься, что ли?

Тот не реагировал, так и стоял. Он уже имел возможность наблюдать контратаки Гнадобиса и подставляться под них не хотел, возможности реакции небезграничны.

Гнадобис начал смещаться слева, обходя Троя по кругу. Тот, не сходя с места, просто разворачивался, удерживаясь в той же стойке. Командир описал один круг, начал второй и, глядя в глаза Троя, продолжавшего таращиться сквозь противника, решил, что достаточно заморозил его этими перемещениями, уж слишком рассеянным был взгляд.

Шаг в сторону, и тут же молниеносная атака с другого направления. Не придумал ничего лучше, чем попытаться достать до головы, полагая, что меч в опущенной руке Троя не успеет прикрыть хозяина.

А тот даже не подумал прикрываться, просто чуть отскочил назад, сохраняя стойку, при этом слегка присел, пропустив меч противника чуть выше макушки, и, возвращаясь, без замаха обманно заехал справа, потом, быстро крутанув оружие, собрался было сделать это же слева, слегка, от кисти.

Гнадобис легко принял на деревянный клинок этот несильный удар, но дальнейшее стало для него неожиданностью. Меч противника, ускорившись за счет столкновения,

подлетел кверху, вот-вот – и ткнет в глаз, а прикрывать его нечем. Командиру пришлось резво запрокинуть голову, оружие Троя работало на пределе длины и дотянуться до уязвимой точки уже не могло.

Он и не стал дотягиваться, а чуть опустил и с силой ткнул в выступающую косточку кадыка. На это выпада хватало тютелька в тютельку, еще бы на пару пальцев дальше – и не дотянулся.

Жутко захрипев, Гнадобис со стуком рухнул на колени, выронив при этом меч и зажав шею обеими ладонями. Глаза его вылезли из орбит, переполнившись болью и ужасом.

Трой, подняв меч для сокрушающего удара, громко спросил:

– Может, сделать хорошее дело – разрубить этому уроду голову?

– Бей! Бей давай! Сильнее бей! – одобрительно загудела толпа.

Ученики в азарте позабыли об угрозе наказания, всем резко захотелось крови.

– Рашмер Трой! Стоять! – выкрикнул сэр Файеррис, заглушив утвердительно-поощрительные возгласы со стороны учеников. – Тиркрит, тащите Гнадобиса!

– К колодцу?

– К какому еще колодцу, болван! К Примусу тащите, пока этот выскочка не испустил дух! А ты, Трой, ко мне! Прямо сейчас!

Что? Даже без отжиманий на плацу? Или отношения с сэром Файеррисом вот-вот станут куда более конструктивными, чего Трой и добивался некоторыми своими выходками, или все станет гораздо хуже, и физическими упражнениями здесь уже вряд ли отделаешься.

Трой в кабинете командующего церковным оплотом и одновременно школой рашмеров был всего лишь один раз, причем недавно. С тех пор здесь ничего не изменилось, то есть сплошная голая функциональность без излишеств и предметов роскоши. Такой и должна быть обитель рыцаря церкви, у них принято вести себя подчеркнуто скромно.

Сэр Файеррис, тяжело усевшись в грубое кресло, усталым голосом, без малейших следов вечной строгости и неприязни произнес:

- Трудно мне с вами, Трой. Со всеми вами. Но ты все же заноза из заноз.
- Это был честный поединок, я не вижу за собой вины.
- Я не говорю о поединке, я обо всем остальном. Трой, у нас есть законный командир, поставленный недоумками из секретариата. Он мне так же дорог, как собаке палка в руке жестокого хозяина, но я обязан поддерживать его авторитет и следить, чтобы ученики не позволяли в его отношении лишнего. А ты мне в этом мешаешь. Не могу передать словами, как мешаешь.

Рыцарь говорит без угроз, и вообще такой тон ему несвойственен. Видимо, ситуация и впрямь его достала; значит, Трою можно попробовать проявить наглость.

Для начала самую чуточку.

- Гнадобис никому не нравится.
- В этом ты сильно ошибаешься. Человек слаб и по натуре своей склонен предавать все, что угодно, вплоть до своих, казалось бы, незыблемых убеждений. Тиркрит уже на его стороне, подозреваю, что этот жадный сын осла банально подкуплен. То же самое ждет некоторых податливых учеников, из них вскоре может сформироваться тесный кружок особ, приближенных к командиру. Мой опыт показывает, что так случается почти всегда. Тем более у вас общество не из идеальных людей, просто так в школу рашмеров не попадают, гнили слишком много.

- Ошибки тоже случаются.
- Они лишь подтверждают правило.
- Неужели нет процедуры смещения командира за разные проступки или там некомпетентность, несоответствие?

- Разумеется, есть. Вот только как ты это себе представляешь? Я сам вырос из таких же рашмеров, как ты, только попал сюда не как преступник, а добровольцем, такое в наших краях принято издавна, хотя в последнее время традиция совсем захирела. Из простолюдина поднялся до рыцаря, но за мной нет титулов и власти, а за Гнадобисом стоят люди, у которых все это есть. У нас не самая лучшая школа Краймора, но до меня она была совсем уж безнадежной дырой, до сих пор ученики вроде Мардукса вздрагивают при одном упоминании ее названия. Я не брошу дело, в которое вложил лучшие годы моей жизни, не оставлю его на чужого человека, которого вместо меня пришлют бестолочи из того же секретариата. А это может случиться, если я их послушаюсь. Гнадобис должен пройти посвящение, практику и завершение всего в качестве командующего выпуском, а не десятника или рядового. Должен, и точка. Это позволит в дальнейшем рассчитывать на смягчение срока служения, чего и добиваются его покровители.

- Понятно.

- Что тебе понятно?

– Что вы тут бессильны, хотя очень желаете избавиться от этого гада.

– Ради школы и вас, дураков безмозглых, мне не раз приходилось переступать через себя.

Ничего страшного, еще раз переступлю. Но в этом случае не представляю, что будет дальше, а потому и не могу это сделать. Сумасшедший набор, слишком мало людей, это должно все упрощать, вот только почти все харборцы, причем взятые из одних мест, а это многое меняет. Растворенные в общей массе они еще терпимы, но в кругу своих – просто набор тупых бездельников. Плюс ты и твой десяток – великовозрастные детки, которые хлебнули лиха, выбрались живыми из пары передрыг и почему-то решили, что они после этого стали богами Краймора и никто им не указ. Чтобы сломать только вас, я должен потратить не одну неделю с неизвестным результатом. А когда при этом заниматься жвачными животными, которых толпами порождает земля Харбора? Наша школа не прославится, если мы выпустим их последними тупицами, которые и месяц на пустошах не протянут. Точнее, как раз прославится, вот только такая слава нам не нужна, это плохо отразится на нашем будущем.

– Мы не напрашиваемся на неприятности, но этот Гнадобис для нас – слишком.

– Так ли уж слишком?

– Он для всех слишком, но для Бвонга посильнее других, а мое влияние на парня не беспредельно. Мне проще поддержать его в этом вопросе, это если головой подумать. Да и не думая, я на его стороне, он ведь во многом прав, наш командующий заслужил такое отношение к себе, люди не любят тех, кто насилует и убивает маленьких девочек.

– Я бы тоже с удовольствием встал на сторону Бвонга, но не могу. Ты все понимаешь. И понимаешь, для чего я тебя сюда пригласил.

– Поскольку речь не зашла о наказаниях и разговор идет в таком тоне, вы задумали заключить какое-то соглашение, чтобы ситуация не обострялась и дальше.

– Она не будет обостряться слишком долго. Или вы прикончите Гнадобиса, или он вам что-нибудь устроит. Это гадкий и ничтожный человечешка, такие способны на любую подлость. Конечно, несложно следить за ним день и ночь, но вот поможет ли? К тому же что прикажете делать с вами? Моим людям придется не спать и не есть, только и будут слезкой за учениками заниматься, к тому же многим из них я не могу доверять.

– Так что вы хотите предложить?

– Гнадобис просил меня дополнить ваш десяток тройкой учеников. При этом выбрал такие кандидатуры, которые нежелательно подпускать даже к морям Краймора, не то что к пепельной суше. Неумехи из неумех, причем безнадёжные – откровенный балласт.

– И какой в этом смысл?

– Очень простой. На практике, которая последует после обучения, они будут тянуть ваш десяток назад, а ведь за этим проследят старшие наставники, они ставят баллы всему отряду и каждому десятку. У вас в итоге наберется весьма скромная сумма, а это означает направление в такую дыру, где единственное привлекательное занятие – сутками выть черным волком на обе луны одновременно. Не говоря уже о том, что рашмерам по итогам обучения и практики выдается некоторая сумма подъемных денег, и ее размер зависит от тех же баллов. Своего рода премия за заслуги в учебе. Уж поверь, для новичка каждый медяк золотой, а в нашей жизни бесплатно ты получаешь лишь мусор. Пока что я сказал Гнадобису, что подумаю над его предложением. Окончательный ответ дам после этого разговора. Если, конечно, он будет готов его выслушать, ты серьезно повредил его горло, а этот ублюдок слишком мнителен, он готов устраивать истерики из-за жалкой царапины.

– Так что вы хотите нам предложить?

– Ни ты, ни твои товарищи не будете трогать Гнадобиса ни пальцем, ни словом. Взамен ваш десяток остается в прежнем неполном составе. Не у всех твоих товарищей выдающиеся показатели, но в целом они смотрятся неплохо, плюс пережитое научило их полезному и хорошенько вправило мозги. Ваша сумма баллов обещает стать приличной, это даст вам возможность устроить себе достойный старт карьеры рашмера. Возможно, некоторые из вас со временем получают рыцарскую цепь, а это практически вершина для тех, кто подружился с пеплом, не имея за спиной высоких покровителей. Тиркрита и прочих я тоже придержу, просто так вас никто задевать не станет. Согласен на такие условия?

Трой покачал головой:

– Нет.

– Жаль. Могу я узнать причины отказа?

– Тут дело не только в моем согласии, я просто не смогу удержать в узде своих товарищей. Сегодня Гнадобис специально их провоцировал, ведь эти поединки можно было обставить иначе. Причем вы не были против, то есть играете и на его стороне. Допустим, мы бы могли помахать мечами друг с дружкой, это было бы красиво и поучительно. Но все вылилось в избиение, вы думали, что он нас этим обломает и проблема решится. Командир и дальше собирается нарываться, а тому же Бвонгу только этого и надо, он сейчас злой, как никогда. То есть мое согласие ничего не решит, они обязательно что-нибудь устроят за моей спиной, я не могу везде поспевать.

– Я тебя понял, – рыцарь задумчиво постучал по столу пальцами. – Хорошо, поступим немного иначе. Я поговорю с Гнадобисом. Как следует поговорю. После этого он даже смотреть в вашу сторону не захочет. Вам придется выполнять лишь самые простые приказы, обращенные от его лица ко всем ученикам. То есть общее построение и прочее. Непосредственно ваш десяток он затрагивать не станет ни при каких обстоятельствах, это я в него вдолблю так, что послушаться не посмеет, и пусть даже после такого разговора у меня возникнут неприятности. Это куда меньшее зло, чем пускать такой опасный конфликт на самотек. В свою очередь, вы не трогаете его. Вообще не трогаете. Если он будет принимать какие-то жесткие меры для поднятия своего авторитета, вы не станете вмешиваться. Разумеется, вас эти меры касаться не будут – только других учеников.

[Купить полную версию книги](#)